

Артём Смоляков

Охота

18+

Артём Смоляков

Охота

<https://litres.ru/74289223>

SelfPub; 2026

Аннотация

Зона не раздаёт чудес. Она лишь показывает, чего ты стоишь.

Сталкер по прозвищу Ворон отправляется в самое сердце Зоны за артефактом, который, по слухам, способен исцелить любую рану — «Слезой Монолита». Но он не охотник за наживой. За ним стоит прошлое, которое он не может забыть, и фотография, которая всегда с ним.

Вместе с загадочным проводником по прозвищу Шрам он проходит через аномалии, тени прошлого и собственные страхи. Но чем глубже он проникает в Зону, тем яснее понимает: «Слеза» не исцеляет. Она заставляет помнить. Всё. Даже то, что ты похоронил в себе навсегда.

«Охота» — это не просто история о выживании в смертельно опасном мире. Это роман о цене выбора, о памяти, которая становится ловушкой, и о свете, который можно найти даже в самой глубокой тьме.

Артём Смоляков

Охота

ОХОТА

Пролог

Говорят, Зона не раздаёт чудес — она лишь показывает, чего ты стоишь. И цену всегда называет в последний момент, когда уже поздно отступать. Тот день начинался как сотни других: серый рассвет, тяжёлый воздух, в котором даже дышать приходилось по-особенному — короткими вдохами, будто боялся втянуть вместе с кислородом саму беду. На блокпосту у Периметра старый прапорщик, не глядя, махнул рукой:

— Иди, только не тяни. Тут тишина хуже крика.

Сталкер по прозвищу Ворон шёл один. Не потому, что не было напарников — были. Просто за этот артефакт он не хотел никого подставлять. «Слеза Монолита» — так его звали в барах и на стоянках. Ходили слухи, что она способна исцелить любую рану, вытянуть из самой глубокой «чёрной петли», вернуть с порога смерти. Для одних это был билет к

богатству, для других — шанс всё исправить. Для Ворона — единственная надежда.

Он не рассказывал никому, зачем ему эта штука.

Да и не принято в Зоне выкладывать душу: тут каждое слово весит столько же, сколько патронов в магазине. Но в кармане у него лежала сложенная вчетверо фотография: на ней — улыбающаяся женщина и мальчишка лет пяти, крепко прижимающий к груди игрушечного робота. Ворон

смотрел на неё перед каждым выходом, будто проверяя, хватит ли у него смелости сделать шаг.

Тропа вела через заброшенную деревню, где дома стояли, как пустые глазницы, и ветер гулял между проломленных стен. Ворон шёл осторожно, не торопясь, зная: в Зоне спешка — это первый шаг к могиле. Прут в руке постукивал по камням, выстукивая

ритм, который должен был уберечь от аномалий.

На окраине деревни, у покосившегося колодца, он нашёл следы. Свежие. Чьи-то ботинки, размер крупный, шаг уверенный — кто-то прошёл здесь совсем недавно. Ворон замер, прислушиваясь.

Тишина была не пустой: в ней пряталось чужое присутствие, тяжёлое, как грозовая туча.

Из-за угла дома вышел человек в потрёпанном

плаще. Лицо скрывал капюшон, но в руке он держал ствол, и держал уверенно.

— Ты за «Слезой»? — голос прозвучал ровно, без угрозы, но и без тепла.

Ворон не стал врать. В Зоне ложь живёт недолго.

— Да.

Человек хмыкнул.

— Тогда ты либо самый смелый, либо самый глупый.

Тут уже трое легли за неё. Последний — вчера.

Ворон сжал прут крепче.

— Я знаю.

— Знаешь, а всё равно идёшь? — в голосе собеседника мелькнуло что-то похожее на уважение.

Или на жалость.

— У меня нет выбора.

Человек опустил оружие.

— Выбор есть всегда. Просто иногда он такой, что лучше бы его не было.

Он шагнул ближе, и Ворон наконец разглядел его лицо: седые виски, шрам через бровь, глаза, в которых читалась такая усталость, будто он видел Зону с самого её рождения.

— Меня зовут Шрам. Я шёл за этим артефактом три дня. Теперь скажу тебе то, что должен был сказать себе ещё на Периметре: эта штука не лечит. Она

только даёт отсрочку. А расплачиваться приходится тем, что дороже любой жизни.

Ворон помолчал, потом тихо спросил:

— Чем?

Шрам посмотрел ему прямо в глаза.

— Тем, что ты больше никогда не сможешь забыть.

Ни одного шага. Ни одного слова. Ни одной смерти.

Зона оставляет шрамы не на коже.

Ворон убрал прут в чехол и поправил рюкзак.

— Я готов.

Шрам покачал головой, будто хотел ещё что-то сказать, но вместо этого лишь махнул в сторону леса:

— Тогда иди. Но помни: если услышишь, как шепчет земля, — не останавливайся. И не оглядывайся.

Ворон пошёл вперёд. С каждым шагом воздух

становился гуще, а тишина — тяжелее. Он знал: впереди

не чудо. Впереди — цена. И он был готов

заплатить. Но не знал ещё, что расплатой станет не

только его прошлое, а всё, что он когда-либо

называл своим.

Глава 1

Туман стелился по земле, как густая, маслянистая жижа, цепляясь за ржавые прутья ограды, за

вывороченные корни мёртвых деревьев, за подошвы ботинок. Он не был просто влагой — он был плотным, почти осязаемым, и при каждом вдохе оседал в горле мелкой колючей пылью, от которой хотелось кашлять, но Ворон сдерживался: в Зоне лишний звук мог стоить жизни. Воздух пах озоном, гарью и чем-то ещё, едким и металлическим, будто где-то рядом рвали на части старую броню. Ворон чувствовал этот запах кожей, он въедался в поры, становился частью его самого, как будто Зона уже начинала метить его, присваивать.

Шрам шёл чуть впереди, не торопясь, но и не замедляясь. Его плащ, тяжёлый от влаги, хлопал по бёдрам, как крылья старой, усталой птицы. Он делал вид, что ведёт, будто знает эту тропу, будто здесь каждый камень ему знаком. Но Ворон замечал, как тот иногда замирает, чуть наклонив голову, прислушиваясь к тишине, которая в этих местах

была вовсе не тишиной, а множеством мелких звуков — скрипом перекрученного металла, шорохом сухой листвы, чьим-то тяжёлым дыханием из темноты. И в эти мгновения в движениях Шрама проскальзывала неуверенность, почти незаметная, но для Ворона — кричащая. Он понимал: Шрам притворяется другом,

потому что одному здесь не выжить, а доверять —

слишком большая роскошь.

Они миновали остатки автобусной остановки — каркас из искорёженного железа, похожий на скелет гигантского зверя. Асфальт под ногами потрескался, и в щелях росла странная трава, жёсткая, как проволока, с тёмными, почти чёрными листьями.

Ворон коснулся одного стебля — тот был холодным, словно впитал в себя весь холод Зоны, и на пальцах остался липкий налёт, похожий на сажу. Он стёр его о рукав, но ощущение осталось: будто сама земля пыталась оставить на нём свой след, пометить, чтобы потом найти.

Дальше тропа ныряла в низину, где воздух становился ещё тяжелее, будто давил на плечи, заставляя идти согнувшись. Здесь пахло сыростью и чем-то гнилым, сладковатым, от чего подкатывала тошнота. Шрам остановился у края низины, поднял руку, и Ворон замер, чувствуя, как по спине ползёт ледяная струйка пота. Шрам медленно водил перед собой прутом, и металл тихо звенел, отзываясь на невидимые волны опасности. Потом он кивнул, будто сам себе, и тихо сказал:

— Тут «Плавун». Не смотри на воду. Даже если покажется, что это просто лужа — не смотри. Ворон и не собирался. Он видел такие «лужи» раньше: они выглядели безобидно, но стоило

задержаться взглядом, как в отражении начинали проступать чужие лица, старые, знакомые, те, кого ты когда-то не смог спасти. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, и эта боль была нужна —

она напоминала, что он ещё здесь, что он не растворился в этой гнили.

Они обошли «Плавун» по узкой, едва заметной тропе между валунами, каждый из которых был покрыт странным налётом, похожим на застывшую смолу. Ворон чувствовал, как камни отдают холод даже сквозь подошвы ботинок, будто тянут тепло из тела, высасывают жизнь по капле. Шрам шагал уверенно, но время от времени его рука дёргалась, будто он хотел обернуться, проверить, идёт ли

Ворон, или, может быть, убедиться, что за ними никто не крадётся. Но он не оборачивался — в Зоне оглядываться было опасно.

Когда низина осталась позади, тропа пошла вверх, к развалинам старого завода. Железо здесь было чёрным, словно его опалили изнутри, и местами на нём проступали странные узоры, похожие на вены. Ветер гудел в пустых проёмах окон, и звук этот был похож на чей-то протяжный стон, бесконечный и безнадежный. Ворон остановился, чтобы перевести дыхание, и в этот момент Шрам обернулся. Его лицо

в полумраке казалось высеченным из камня: резкие черты, шрам через бровь, который сейчас казался особенно тёмным, будто наполненным тенью. Он улыбнулся, но улыбка была натянутой, как старая кожа на барабане.

— Почти пришли, — сказал он. — Там, в подвале, по слухам, и лежит «Слеза». Но будь готов: там не только артефакт. Там ещё и те, кто его охраняет.

Ворон кивнул, хотя внутри всё сжалось в тугую, ледяной комок. Он не спросил, кто эти «те», потому что знал: в Зоне ответы бывают хуже вопросов. Они спустились по ржавой лестнице, ступени которой прогибались под весом, словно были живыми и сопротивлялись каждому шагу. Внизу пахло пылью и чем-то кислым, будто здесь годами копилась чужая боль. В центре подвала, на обломке бетонной плиты, лежал артефакт — не сияющий, не волшебный, а похожий на застывшую каплю тёмного стекла, внутри которой медленно пульсировал тусклый свет, похожий на биение чужого сердца. Ворон сделал шаг вперёд, чувствуя, как воздух становится густым, словно сироп, и каждый вдох даётся с трудом.

Шрам вдруг схватил его за руку, и хватка была железной, почти болезненной.

— Стой, — прошептал он, и в его голосе впервые прозвучало что-то настоящее, не притворное. — Ты уверен?

Ворон посмотрел ему в глаза и увидел там не друга и не врага, а человека, который слишком много знает и слишком мало может изменить. Он медленно высвободил руку, не отрывая взгляда.

— Я должен.

Шрам отпустил его, но не отступил. Он стоял рядом, и его тень падала на артефакт, словно пыталась заслонить его, спрятать от чужих глаз.

— Тогда бери, — тихо сказал он. — Но помни: Зона не дарит. Она только одалживает. И проценты... они всегда выше, чем кажется.

Ворон протянул руку. Пальцы дрогнули, когда коснулись гладкой, ледяной поверхности артефакта. В тот же миг подвал наполнился шёпотом — не словами, а звуками, похожими на чьи-то далёкие голоса, на плач, на стоны, на смех, который не мог принадлежать никому живому. Свет внутри «Слезы» вспыхнул ярче, и на мгновение Ворон увидел не подвал, а другое место — знакомое до боли, то, которое он столько лет пытался забыть. Он отдёрнул руку, но было поздно: артефакт уже отозвался на его прикосновение, уже начал тянуть из него что-то

важное, что-то, без чего он перестанет быть собой. Шрам резко шагнул вперёд и накрыл артефакт ладонью, гася свет. Шёпот стих, оставив после себя звенящую тишину, в которой было слышно только их тяжёлое дыхание.

— Ты не готов, — выдохнул он, и теперь в его голосе не было притворства, только усталость и что-то похожее на горечь. — Или, может быть, слишком готов. Это ещё хуже.

Ворон смотрел на него, пытаясь понять, друг он всё-таки или враг, спаситель или тот, кто приведёт его к гибели. Но в глазах Шрама не было ответа — только отражение той самой тьмы, которая жила в каждом, кто слишком долго оставался в Зоне.

Из темноты коридора донёсся тихий скрежет, будто кто-то провёл когтями по металлу. Шрам вскинул голову, и его лицо снова стало маской — жёсткой, непроницаемой.

— Уходим, — коротко бросил он. — Сейчас.

Он потянул Ворона за рукав, но тот не двигался, чувствуя, как холод артефакта всё ещё живёт на кончиках пальцев, как будто «Слеза» оставила на нём невидимую метку, знак, который рано или поздно притянет к себе всё самое страшное. Скрежет повторился, ближе, отчётливее. Из

темноты показались первые тени — не человеческие, угловатые, с неестественно длинными конечностями, которые царапали стены, оставляя глубокие борозды. Шрам выругался сквозь зубы и толкнул Ворона к выходу.

— Беги! — крикнул он, и в этом крике не было ни притворства, ни расчёта — только голая, отчаянная необходимость спасти хоть кого-то.

Ворон рванулся вперёд, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а каждый шаг отдаётся в висках тяжёлым, глухим стуком. Он мчался по лестнице, не разбирая ступеней, чувствуя, как железо под ногами вибрирует от чьих-то тяжёлых шагов позади. Шрам держался рядом, прикрывая его, и в какой-то момент Ворон поймал себя на мысли, что не знает, почему этот человек, который столько времени притворялся другом, сейчас рискует ради него жизнью.

Они выскочили наружу, и холодный воздух ударил в лицо, как пощёчина, возвращая к реальности. Но реальность была не лучше: перед ними, перекрывая путь, стояла фигура в изодранном комбинезоне, с лицом, скрытым под маской из проволоки и кожи. В руке у фигуры был нож, тускло блестевший в свете умирающего дня. За ней из темноты появлялись

другие силуэты, медленные, тяжёлые, с глазами, в которых не было ничего человеческого.

Шрам встал между Вороном и этой фигурой, расставив ноги, готовый к удару.

— Не подходи, — тихо, но твёрдо сказал он, и голос его звучал так, будто он произносил эти слова уже сотни раз.

Фигура в маске лишь усмехнулась, и этот звук был страшнее любого крика.

Ворон стоял, чувствуя, как ледяные пальцы страха сжимают его грудь, и понимал: они не успеют уйти.

Что-то внутри него подсказывало, что этот момент — переломный, что здесь решится не только судьба артефакта, но и его собственная судьба, и, возможно, судьба Шрама. Но что делать дальше, он не знал. Тени медленно смыкались вокруг, отрезая пути к отступлению.

Туман обволакивал Ворона, как мокрая тряпка, липкая и тяжёлая, не давая ни вздохнуть свободно, ни разглядеть хоть что-то дальше вытянутой руки.

Он шёл вперёд, сам не зная куда, только чувствуя под подошвами то твёрдые плиты, то рыхлую землю, которая проваливалась под ногой с тихим, жадным чавканьем. Каждый шаг давался тяжело, будто Зона нарочно делала путь длиннее, растягивала пространство, чтобы он не мог уйти. Холод, оставшийся

от прикосновения к «Слезе», теперь расползался по груди, тонкой, острой иглой впиваясь в рёбра, и с каждым ударом сердца эта игла будто входила глубже, напоминая: ты взял то, что не должен был брать.

Ворон остановился, прижался спиной к чему-то твёрдому — оказалось, обломок бетонной стены, шершавый, с острыми краями, которые царапали куртку. Он провёл ладонью по поверхности, нащупывая трещины, пытаясь понять, что это за место, но бетон был одинаково мёртвым везде, одинаково холодным, одинаково чужим. В ушах звенело от тишины, но это была не настоящая тишина — в ней прятались звуки, приглушённые туманом: далёкий скрежет, будто кто-то волок по металлу тяжёлую цепь, и низкий, утробный гул, похожий на дыхание огромного зверя, который лежит где-то рядом и только ждёт, когда ты снова двинешься с места.

Он достал из кармана фонарь, щёлкнул кнопкой, и слабый луч света выхватил из темноты лишь клочья тумана, которые тут же поглотили свет, не дав ему уйти дальше пары метров. Ворон стиснул фонарь так, что пальцы побелели, а пластик тихо хрустнул. Ему хотелось закричать, просто чтобы услышать

собственный голос, убедиться, что он ещё здесь, что он не растворился в этой серой мгле. Но он сдержался: крик в Зоне — это маяк, а маяк притягивает тех, кто охотится.

Внезапно туман впереди дрогнул, словно его кто-то раздвинул рукой, и на мгновение Ворон увидел очертания старого здания — не развалины, а почти целый корпус, с выбитыми окнами и покосившейся вывеской, буквы на которой давно стёрлись, оставив только тёмные пятна на облупившейся краске. Он шагнул туда, к этому призраку строения, потому что

даже руины сейчас казались лучше, чем бесконечный туман. Под ногами захрустели осколки стекла, острые, как зубы, и он почувствовал, как один из них впился в подошву, но даже эта боль была сейчас почти приятной — она означала, что он жив, что тело ещё отзывается на мир.

Внутри здания пахло пылью и чем-то кислым, похожим на прокисший уксус, от чего сразу першило в горле. Ворон шёл вдоль стены, ведя по ней ладонью, чтобы не потерять направление. Пальцы скользили по слоям старой краски, по трещинам, по ржавым пятнам, которые оставляли на коже тёмный налёт. В какой-то момент он нащупал дверной проём — проём был низким, будто сделан для кого-то ниже

ростом, или же потолок просто осел со временем. Он наклонился, шагнул внутрь и оказался в небольшом помещении, похожем на бывшую диспетчерскую: на стене висели остатки пульта, с выломанными кнопками, а на полу валялись скрученные провода, похожие на мёртвых змей.

В центре комнаты стоял стол, а на нём — коробка, старая, жестяная, с облупившейся зелёной краской.

Ворон замер, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле. Коробка выглядела слишком аккуратной для этого места, слишком целой, будто её положили сюда недавно. Он протянул руку, пальцы дрогнули, но не от холода — от предчувствия. И тут он услышал за спиной тихий, осторожный звук: не скрежет когтей, не рёв монстра, а мягкий, едва уловимый шорох, будто кто-то переступил с ноги на ногу, стараясь не шуметь.

Ворон резко обернулся, выставив фонарь вперёд. Луч света выхватил из темноты фигуру — не монстра, не мутанта, а человека. Тот стоял в дверном проёме, ссутулившись, в потрёпанном плаще, капюшон был откинут, и в свете фонаря Ворон узнал эти черты: седые виски, шрам через бровь, глаза, в которых сейчас читалась не усталость, а острая, почти звериная

настороженность. Это был Шрам.

— Ты что тут делаешь? — голос Ворона прозвучал хрипло, будто он долго молчал и теперь заново учился говорить.

Шрам не ответил сразу. Он медленно опустил руку, в которой держал короткий лом, будто только сейчас понял, что выглядит угрожающе.

— Искал тебя, — наконец сказал он, и голос его звучал непривычно тихо, без привычной жёсткости.

— Думал, ты уже не выберешься.

— А ты? — Ворон кивнул в сторону прохода. — Ты же остался... чтобы задержать...

Шрам криво усмехнулся, и эта усмешка вышла горькой, почти безнадёжной.

— Монстр не любит, когда ему мешают. Но он ещё больше не любит, когда добыча уходит. Пришлось... договориться.

Ворон хотел спросить, что значит «договориться», но в этот момент жестяная коробка на столе тихо звякнула, будто внутри что-то шевельнулось. Оба мужчины посмотрели на неё почти одновременно, и в этом синхронном движении было что-то пугающее

— будто Зона сама управляла их взглядами, сводила их к одной точке.

Шрам шагнул вперёд, осторожно, как по тонкому

льду, и протянул руку к коробке.

— Не трогай, — выдохнул Ворон, сам не понимая, почему он это говорит. Но холод в груди вдруг стал обжигающим, будто «Слеза» внутри него почувствовала опасность и пыталась предупредить. Шрам замер, его пальцы зависли в сантиметре от крышки. Он посмотрел на Ворона, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на понимание.

— Ты чувствуешь её, — не спросил, а констатировал он. — Артефакт. Он теперь часть тебя.

— Я её не брал, — прошептал Ворон. — Я только коснулся.

— Этого достаточно, — тихо сказал Шрам. — В Зоне достаточно одного касания, чтобы она начала тянуть из тебя жилы.

Он медленно убрал руку от коробки и вместо этого подошёл к стене, где висел старый календарь с выцветшей фотографией летнего леса. Шрам провёл пальцами по бумаге, и уголок фотографии тихо хрустнул.

— Знаешь, что самое страшное в Зоне? — спросил он, не оборачиваясь. — Не монстры. Не аномалии. А то, что она показывает тебе правду. Ту, которую ты столько лет прятал даже от себя.

Ворон сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, и эта боль снова была нужна — чтобы не

провалиться в то, что сейчас поднималось из глубины, царапая изнутри, как когти.

— О чём ты?

Шрам наконец повернулся к нему, и в его глазах было что-то новое, чего Ворон раньше не видел — не усталость, не расчёт, а почти человеческая боль.

— О том, что «Слеза» не исцеляет. Она заставляет помнить. Всё. Даже то, что ты похоронил так глубоко, что думал — никогда не всплывёт. И каждый раз, когда ты будешь хотеть забыть, она будет напоминать.

Из коридора снова донёсся скрежет, ближе, отчётливее, будто тот, кто шёл за ними, теперь знал, где они находятся. Шрам резко вскинул голову, и маска жёсткости снова легла на его лицо, скрывая всё, что он только что сказал.

— У нас мало времени, — бросил он. — Эта коробка... она не просто так здесь. В ней то, что может либо помочь тебе, либо добить.

— Что там? — голос Ворона снова сорвался на хрип.

— То, что осталось от тех, кто пытался уйти, — коротко ответил Шрам. — Документы, карты, записи... и ещё одна штука, о которой никто не говорит вслух.

Он подошёл к столу, быстро, но осторожно поднял

коробку и поставил её на пол. Крышка поддавалась с тихим скрипом, и внутри, среди пожелтевших бумаг и металлических деталей, Ворон увидел ещё один артефакт — маленький, похожий на тёмный кристалл, с прожилками, которые слабо мерцали, будто в них текла не кровь, а свет. Шрам наклонился, взял его двумя пальцами и поднёс к свету фонаря.

Кристалл отозвался, вспыхнув на мгновение

тусклым, болезненным светом, и в этот миг Ворон снова услышал тот самый шёпот — не слова, а обрывки воспоминаний, чужие голоса, чужие слёзы, чужие смерти.

— Это «Эхо», — тихо сказал Шрам, не глядя на Ворона. — Он собирает чужие воспоминания. Если соединить его с «Слезой»... ты увидишь не только своё прошлое. Ты увидишь прошлое всех, кто когда-либо искал этот артефакт. И Зона будет использовать эти воспоминания против тебя.

Скрежет в коридоре стал громче, и теперь к нему добавился ещё один звук — тяжёлое, хриплое дыхание, от которого воздух будто становился тяжелее. Шрам быстро сунул кристалл обратно в коробку и захлопнул крышку.

— Нам нужно уходить, — сказал он, и в его голосе не было ни притворства, ни игры, только голая

необходимость. — Сейчас. Пока оно не вошло сюда. Они выскользнули из диспетчерской и оказались в длинном коридоре, где потолок местами провис, а с балок свисали длинные нити какой-то серой плесени, похожей на застывшие слёзы. Шрам шёл первым, держа лом наготове, и каждый его шаг был точным, выверенным, будто он знал, где здесь можно ступить, а где нельзя. Ворон следовал за ним, чувствуя, как холод от «Слезы» теперь пульсирует в такт шагам, как будто артефакт пытался вести его в другую сторону, туда, где было страшнее, где было опаснее, где можно было потерять себя окончательно.

Коридор вывел их к аварийному выходу — металлической двери, покрытой толстым слоем ржавчины. Шрам навалился на неё плечом, и дверь со скрипом поддалась, открывая путь наружу, в серую мглу, которая теперь казалась почти родной. Они выскочили на небольшую площадку, окружённую остатками забора, и тут же ветер ударил им в лицо, срывая остатки тумана и открывая на мгновение вид на далёкие огни — не человеческие, не тёплые, а холодные, мерцающие, будто глаза Зоны, которые следили за каждым их движением. Шрам остановился, тяжело дыша, и прислонился к

столбу, будто ноги больше не держали его.

— Дальше... — начал он, но не закончил, потому что из темноты, из-за угла здания, показалась фигура — та самая, в маске из проволоки и кожи, с ножом, который теперь блестел в свете далёких огней. За ней тянулись другие тени, медленные, тяжёлые, с неестественно вывернутыми суставами.

— Беги, — выдохнул Шрам, и в этот раз в его голосе не было приказа, не расчёта, а только одно: отчаянное желание спасти хоть кого-то.

Ворон рванулся вперёд, чувствуя, как холодный воздух обжигает лёгкие, а каждый шаг отдаётся в висках тяжёлым, глухим стуком. Он мчался по пустоши, не разбирая дороги, чувствуя только, как «Слеза» пульсирует под рёбрами, как будто смеётся над ним, над его попытками убежать.

И вдруг земля под ногами дрогнула. Не сильно, не как при взрыве, а тихо, почти незаметно, будто сама Зона вздохнула. Ворон остановился, обернулся — и

увидел, как Шрам стоит лицом к приближающимся теням, расставив ноги, подняв лом, готовый принять удар. Фигура в маске медленно подняла нож, и в её движении не было спешки — только уверенность хищника, который знает, что добыча уже никуда не денется.

А потом из темноты вырвалось то самое существо — огромное, с горящими глазами и когтями, способными разорвать металл. Оно ударило, воздух содрогнулся от его рёва, и в этот миг Шрам сделал шаг вперёд, закрывая собой путь к Ворону, принимая удар, который должен был достаться ему.

Ворон хотел крикнуть, рвануться назад, но ноги будто приросли к земле, а холод в груди стал таким обжигающим, что он едва мог дышать. Он видел, как Шрам сталкивается с монстром, как металл лома в его руке звенит от удара, как тени смыкаются вокруг, отрезая его от всего, что он знал.

И в тот момент, когда казалось, что всё кончено, когда тьма уже готова была поглотить их обоих, из глубины Зоны донёсся новый звук — низкий, протяжный, похожий на стон земли, но теперь в нём слышалось что-то ещё: не угроза, а предупреждение. Тени замерли, монстр на мгновение застыл, будто прислушиваясь к этому стону, а потом медленно, неохотно отступил, уводя за собой своих слуг.

Когда тишина снова стала звенящей, Ворон смог сделать шаг. Потом ещё один. Он подошёл к тому месту, где стоял Шрам, но там уже никого не было — только сломанный лом, лежащий на земле, и тёмное

пятно, похожее на кровь, которое быстро впитывалось в сухую почву.

Ворон поднял лом, сжал его в руке, чувствуя, как холодная сталь отзывается на дрожь в пальцах. Он стоял посреди пустоши, окружённый туманом, который снова начинал сгущаться, пряча от него всё, что осталось позади. И где-то внутри, под рёбрами, «Слеза Монолита» тихо пульсировала, будто шептала: «Ты заплатил. Но это только начало».

Глава 2

Туман не просто стелился по земле — он жил. Он цеплялся за каждый выступ, обтекал ржавые балки, просачивался в швы куртки, будто хотел добраться до самой кожи, до самой сути. Ворон шёл, не разбирая дороги, и с каждым шагом ему казалось, что он не уходит от развалин, а кружит вокруг них, как загнанный зверь, которого Зона нарочно водит по одному и тому же кругу. Лом Шрама в его руке стал тяжелее, будто впитывал в себя всю тяжесть этого места, всю усталость, всю чужую боль. Ворон сжимал рукоять до побеления костяшек, и металл отзывался на это лёгким, едва уловимым покалыванием — будто артефакт внутри него шептал: «Ты не сможешь нести это вечно».

Холод под рёбрами теперь пульсировал не просто как точка, а как отдельный ритм, не совпадающий с биением сердца. Иногда он будто отставал, иногда — опережал, и от этого у Ворона кружилась голова, а перед глазами на мгновение вспыхивали чужие картины: не воспоминания, а обрывки, как кадры из чужой плёнки. Вот чья-то рука тянется к ржавой ручке двери — и Ворон чувствует, как под ногтями собирается грязь, хотя его собственные руки чистые. Вот чей-то голос шепчет: «Не смотри назад» — и у Ворона перехватывает дыхание, будто это он сам только что произнёс эти слова. Он тряс головой, стискивал веки, прогоняя видения, но они

возвращались, тихие и настойчивые, как сквозняк, который пробирается сквозь любую щель.

Он вышел к старому железнодорожному полотну. Рельсы давно ушли в землю, будто их втянула сама почва, и теперь торчали из неё, как кривые зубы, покрытые наростами бурой ржавчины. Ворон остановился у одного из рельсов, положил на него ладонь — металл был ледяным, шершавым, с острыми краями, которые царапали кожу. Он почувствовал, как холод от железа смешивается с холодом «Слезы», и на миг ему показалось, что он слышит далёкий гудок поезда — не настоящий, не из

прошлого, а будто из какой-то другой реальности, где Зона ещё не родилась, где рельсы вели куда-то, где можно было просто жить. Звук оборвался так же внезапно, как и появился, оставив после себя звенящую пустоту, в которой было слышно только, как ветер воев в пустых вагонах, стоящих неподалёку.

Вагоны были старыми, ещё довоенными, с облупившейся краской и выбитыми окнами. Ворон подошёл к одному из них, осторожно, как к спящему зверю, и заглянул внутрь. Там пахло пылью, железом и чем-то сладковатым, гнилым, от чего сразу становилось тяжело дышать. На полу валялись обрывки бумаги, потемневшие от времени, и куски ткани, похожие на лоскуты чьей-то прошлой жизни. Ворон наклонился, чтобы рассмотреть один из листов, и в тот же миг перед глазами снова мелькнуло чужое видение: он увидел не вагон, а комнату с белыми стенами, где на подоконнике стоял

горшок с увядшим цветком, а на столе лежала раскрытая тетрадь. И в этой комнате кто-то плакал — тихо, без всхлипов, так, что слёзы просто катились по щекам, не находя выхода. Ворон отшатнулся, ударившись плечом о дверной косяк, и реальность снова встала на место: белые стены

исчезли, остался только ржавый металл, пыль и запах гнили.

Он отошёл от вагона, чувствуя, как по спине ползёт липкий холод, не от тумана, а от чего-то внутри, от того, что «Слеза» теперь тянула из него не только тепло, но и границы между «тогда» и «сейчас», между «его» и «чужим». Он прижал ладонь к груди, туда, где пульсировал холод, и прошептал, будто

пытаясь уговорить сам себя:

— Это просто усталость. Просто Зона. Ничего больше.

Но Зона не слушала уговоров. Она продолжала подкидывать ему обрывки чужих жизней, словно проверяя, сколько он сможет выдержать, прежде чем начнёт верить, что это его собственные воспоминания.

Вдалеке, за насыпью, мелькнул свет — не яркий, не электрический, а тусклый, мерцающий, будто

кто-то держал в руке керосиновую лампу. Ворон замер, прислушиваясь. В Зоне свет почти всегда означал опасность: либо ловушку, либо тех, кто охотится. Но сейчас он был таким одиноким, таким тихим, что в нём виделась почти надежда. Ворон медленно двинулся в ту сторону, стараясь ступать бесшумно, хотя каждый его шаг всё равно отдавался

в ушах тяжёлым эхом, будто сама земля повторяла его движение, чтобы предупредить тех, кто мог прятаться в темноте.

Когда он поднялся на насыпь, перед ним открылась небольшая низина, окружённая остатками бетонного забора. В центре низины горел костёр — не большой, не праздничный, а скромный, жавшийся к земле, будто боялся привлечь лишнее внимание.

Вокруг костра сидели несколько фигур в тёмных плащах, их лица были скрыты капюшонами, и только время от времени в свете пламени мелькала чья-то рука, поправлявшая дрова. Ворон замер на краю насыпи, чувствуя, как пальцы сами собой крепче сжимают лом, а холод под рёбрами на мгновение становится обжигающим, будто «Слеза» кричала: «Беги!»

Одна из фигур подняла голову, будто почувствовала его взгляд, и посмотрела прямо туда, где стоял Ворон. Он не видел лица, но ему показалось, что этот взгляд прошёл сквозь него, как ледяной ветер, и коснулся чего-то глубоко внутри, там, где прятались его самые страшные воспоминания. Фигура медленно подняла руку и сделала короткий жест — не приглашение, не угрозу, а скорее знак: «Мы знаем, что ты здесь. Подойди или уходи, но не стой на месте».

Ворон не знал, что делать. Вступить в разговор с незнакомцами в Зоне — почти всегда ошибка. Но оставаться одному, когда артефакт тянет из тебя прошлое, было ещё страшнее. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один, чувствуя, как земля под

ногами становится мягче, будто насыпь сама хотела его удержать, не пустить вниз. В тот момент, когда он уже почти решился развернуться и уйти, из темноты, со стороны заброшенного депо, донёлся знакомый звук — тихий, сухой треск, похожий на то, как ломается старая ветка. Только здесь не было веток. Ворон резко обернулся, вглядываясь в темноту. И вдруг увидел то, от чего у него похолодело всё внутри: среди теней мелькнула фигура в изодранном плаще, с седыми висками и шрамом через бровь. На мгновение ему показалось, что это Шрам. Он даже сделал шаг в ту сторону, собираясь окликнуть его, но тут же остановился. Фигура двигалась не так, как двигался Шрам, — её движения были слишком плавными, слишком неестественными, будто она скользила над землёй, не касаясь её. И когда она повернулась, Ворон увидел, что у неё нет лица — только гладкая, тёмная поверхность, похожая на застывшую смолу.

Он отступил назад, споткнулся о камень и едва не

упал. Холод под рёбрами вспыхнул острой болью, и перед глазами снова пронеслись чужие видения: чьи-то пальцы сжимают край стола, чьи-то глаза смотрят в темноту, полные ужаса, и чей-то шёпот повторяет одно и то же слово: «Прости». Ворон зажмурился, пытаясь прогнать эти картины, но они не уходили — они становились ярче, плотнее, будто пытались вытеснить из него его собственную память. Тем временем фигуры у костра снова зашевелились. Одна из них встала и медленно пошла к Ворону, держа в руке что-то длинное и

тёмное — то ли палку, то ли оружие. Ворон попятился, чувствуя, как лом в его руке становится единственным якорем, единственной вещью, которая ещё принадлежала ему, а не Зоне. Он уже почти решился броситься прочь, когда из темноты снова донёсся тот самый сухой треск — и на этот раз он был ближе, гораздо ближе.

Ворон обернулся, и в этот миг туман перед ним дрогнул, будто его кто-то раздвинул рукой. Из серой пелены выступила фигура — настоящая, живая, с усталым лицом, с седыми висками, со шрамом через бровь. Это был Шрам. Он стоял, тяжело дыша, будто только что пробежал несколько километров, и в его глазах читалась не просто усталость, а что-то

большее — будто он только что вырвался из места, откуда не возвращаются.

— Уходи отсюда, — выдохнул он, не тратя время на приветствия. — Это не люди. Это... эхо. Они питаются чужими воспоминаниями. А у тебя сейчас их слишком много на виду.

Ворон хотел спросить, что значит «на виду», хотел спросить, как Шрам выжил, хотел спросить хоть что-нибудь, но не успел. Фигура у подножия насыпи остановилась и медленно подняла своё оружие. В свете костра металл тускло блеснул, и Ворон вдруг понял, что видит не просто клинок, а отражение своих собственных страхов, выточенных в металле. Шрам шагнул вперёд, закрывая Ворона собой, и в этом движении не было ни притворства, ни расчёта — только старая, выжженная привычка защищать того, кто не может защитить себя сам.

— Я сказал, уходи! — крикнул он, и голос его прозвучал так, будто он кричал уже сотни раз, и каждый раз его не слушали.

Ворон попятился, не отрывая взгляда от Шрама, от фигур у костра, от той безликой тени, которая всё ещё пряталась в темноте. Он чувствовал, как «Слеза» пульсирует под рёбрами, как будто смеётся над ними обоими, над их попытками убежать, над их

желанием остаться людьми в месте, которое стирало человечность слой за слоем.

Из темноты снова донёсся сухой треск, и на этот раз к нему присоединился низкий, утробный рык — тот самый, который Ворон уже слышал в развалинах. Тени вокруг начали сгущаться, отрезая пути к отступлению, и даже костёр у низины вдруг стал казаться не спасением, а ловушкой, горячей приманкой для тех, кто охотился не за плотью, а за памятью.

Шрам резко махнул Ворону рукой:

— Вдоль насыпи! К депо! Там есть проход, который знают только свои.

Ворон рванулся вперёд, чувствуя, как ноги наливаются тяжестью, а каждый вдох обжигает лёгкие. Он мчался, не разбирая дороги, ощущая только, как лом бьёт по бедру, как куртка цепляется за ржавые прутья, как туман липнет к лицу, будто пытается его задержать. Шрам бежал рядом, прикрывая его, и время от времени бросал короткие, отрывистые команды: «Левее!», «Не останавливайся!», «Не смотри на тени!»

Они влетели в пролом стены депо, едва не сбив друг друга с ног, и оказались в длинном, тёмном коридоре, где пахло старой смазкой и чем-то

кислым, от чего сразу першило в горле. Ворон прижался к стене, пытаясь отдышаться, и в этот момент перед глазами снова вспыхнуло чужое воспоминание: он увидел не коридор, а лестницу, ведущую наверх, и чьи-то руки, крепко сжимающие перила, будто от этого зависела жизнь. Он схватился за голову, пытаясь прогнать видение, но оно не уходило — оно становилось плотнее, реальнее, чем сама Зона.

Шрам схватил его за плечо, встряхнул, возвращая в реальность.

— Слушай меня, — выдохнул он. — То, что с тобой происходит, — это не просто видения. «Слеза» открывает тебя. И пока ты не научишься закрывать эти двери, Зона будет кормить тобой всё, что здесь живёт.

Ворон посмотрел на него, и в этот миг ему показалось, что он видит не усталого сталкера, а кого-то гораздо старше, кого-то, кто прожил в Зоне не годы, а целые эпохи.

— Как? — прохрипел он. — Как закрыть?

Шрам открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент из коридора донёсся тяжёлый, размеренный шаг — не бег, не крадущееся движение, а уверенное, неторопливое приближение того, кто знает, что добыча уже никуда не денется. Шрам резко вскинул

голову, и маска жёсткости снова легла на его лицо.

— Позже, — коротко бросил он. — Сейчас нам нужно уйти.

Он потянул Ворона за рукав, увлекая его в боковой проход, где темнота была такой плотной, что казалось, будто она имеет вес, будто её можно трогать руками. Ворон шагнул туда, чувствуя, как тьма смыкается вокруг него, как будто сама Зона шептала ему на ухо: «Ты думал, что охотишься за чудом. А чудо охотится за тобой».

Они бежали по узкому проходу, спотыкаясь о обломки, царапая плечи о стены, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в висках тяжёлым стуком. Впереди мелькнул слабый свет — не костёр, не лампа, а узкая полоса серого дня, пробивающаяся сквозь пролом в стене. Ворон рванулся к нему, чувствуя, как надежда обжигает грудь почти так же сильно, как холод «Слезы».

Когда они выскочили наружу, перед ними расстилалась широкая пустошь, серая, безжизненная, уходящая в туман, который теперь

казался не врагом, а единственным шансом на спасение. Шрам остановился, тяжело опираясь на колено, и посмотрел на Ворона так, будто пытался запомнить его лицо, будто знал, что скоро им

придётся разойтись.

— Дальше ты пойдёшь один, — тихо сказал он. — Я задержу их.

Ворон хотел возразить, хотел сказать, что не уйдёт, но Шрам поднял руку, останавливая его слова.

— Не спорь. Ты знаешь, зачем пришёл. И ты знаешь, что будет, если они до тебя доберутся.

Из пролома, откуда они только что выбежали, донёсся низкий рык, и земля под ногами дрогнула, будто сама Зона кивала в такт этим звукам. Шрам

выпрямился, расправил плечи и шагнул обратно к пролому, туда, где тьма была самой густой, самой опасной.

— Иди, — бросил он, не оборачиваясь. — И помни: не открывай двери.

Ворон сделал шаг вперёд, потом ещё один, чувствуя, как холод под рёбрами пульсирует в такт

удаляющимся шагам Шрама. Он шёл, не зная, куда, не зная, есть ли там спасение, но зная одно: если он

остановится, то потеряет не только себя, но и того, кто снова и снова вставал между ним и самой Зоной.

Туман сомкнулся вокруг него, поглощая звуки, запахи, саму реальность. И когда он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть назад, там уже не

было ни Шрама, ни пролома, ни стен депо — только

серая пелена, в которой растворялось всё, что он знал.

А где-то глубоко внутри, под рёбрами, «Слеза Монолита» тихо пульсировала, будто отсчитывала время до того момента, когда Ворон больше не сможет отличить свои воспоминания от чужих. И когда это случится, Зона наконец получит то, за чем охотилась всё это время.

Ворон шёл по пустоши, и каждый шаг отдавался в висках тяжёлым, глухим стуком, будто сама земля запоминала его следы, чтобы потом по ним прийти за ним. Туман стелился низко, цеплялся за ботинки, тянулся к коленям, словно хотел утянуть его вниз, в

сырую, холодную тьму, где не бывает ни света, ни надежды. Он не оглядывался: знал, что если увидит снова эту серую пелену, в которой растворился Шрам, то ноги откажутся идти дальше. Вместо этого он смотрел только вперёд, туда, где туман чуть светлел, будто там, за этой завесой, пряталось что-то настоящее — не чужое, не навязанное Зоной, а своё, выстраданное.

Лом в руке теперь казался не оружием, а якорем. Ворон сжимал его так крепко, что металл врезался в ладонь, и эта боль была нужна — она возвращала его в собственное тело, напоминала, что он ещё

здесь, что он не растворился в чужих воспоминаниях, которые всё настойчивее стучались изнутри, как кто-то, запертый в соседней комнате, скребётся в дверь. Перед глазами то и дело вспыхивали обрывки: не сцены, а ощущения — холод кафельного пола под босыми ступнями, запах горячего чая с мятой, скрип старой деревянной кровати, который вьелся в память, как царапина. И каждый раз, когда эти ощущения накатывали, холод «Слезы» под рёбрами становился острее, будто артефакт радовался, что смог пробиться сквозь его защиту.

Он вышел к остаткам старой дороги — не трассы, а узкой просеки, где асфальт давно раскрошился, и сквозь трещины пробивались жёсткие, колющие стебли, похожие на ржавую проволоку. Ворон провёл по ним пальцами, и стебли царапнули кожу, оставив на подушечках мелкие, едва заметные порезы. Кровь выступила крошечными бусинами, но он не стал

вытирать её — пусть будет хоть одна настоящая, его собственная боль, не украденная Зоной. Он наклонился, коснулся асфальта, и тот отозвался под пальцами не теплом, а липким, неприятным холодом, будто впитал в себя все те дни, когда по этой дороге уходили и не возвращались.

Впереди показалась вышка — ржавая, перекошенная, с обвисшими проводами, которые свисали, как мёртвые змеи. Ворон остановился у её основания, чувствуя, как воздух здесь становится плотнее, будто перед невидимой стеной. Он приложил ладонь к металлу, и тот тихо загудел, едва уловимо, как будто внутри ещё жила старая энергия, упрямая глубоко в железо. В этот момент перед глазами снова мелькнуло чужое воспоминание — на этот раз не картина, а звук: чей-то голос, тихий, но настойчивый, шептал: «Держи крепче. Не отпускай». Ворон стиснул зубы, вдавил пальцы в металл, и звук оборвался, оставив после себя звенящую пустоту, в которой было слышно только, как ветер гудит в проёмах вышки.

Он обошёл вышку по кругу и увидел у её подножия люк — не новый, не блестящий, а старый, с проржавевшими петлями и тяжёлой крышкой, на которой кто-то когда-то выцарапал короткую надпись: «Не верь тишине». Ворон замер, глядя на эти буквы, и ему показалось, что они написаны не ножом, а чьей-то кровью, вьёвшейся в металл. Он протянул руку, провёл пальцем по буквам, и ржавая крошка прилипла к коже, сухая и шершавая, как пепел.

Ворон взялся за скобу и потянул. Крышка поддалась не сразу, сначала застонала, будто не хотела открываться, а потом со скрежетом сдвинулась в сторону, обнажив чёрную, бездонную пасть шахты. Из неё пахло сыростью, старым железом и чем-то ещё, кислым и тяжёлым, от чего сразу становилось трудно дышать. Ворон наклонился, вглядываясь в темноту, и вдруг почувствовал, как «Слеза» под рёбрами дёрнулась, будто вострепелась, как хищник, учуявший добычу.

Холод на мгновение стал обжигающим, и перед глазами вспыхнула новая картина: не комната, не вагон, а узкий проход, такой тесный, что стены давили на плечи, а впереди, в темноте, мерцал тусклый огонёк, манящий и одновременно пугающий. Ворон отшатнулся, ударившись плечом о металл вышки, и реальность снова встала на место. Но огонёк не исчез — он остался где-то на краю зрения, как заноза, которую не вытащить. Он посмотрел вниз, в шахту, и понял: туда ведёт путь, который он не выбирал, но который теперь казался единственным. Он достал фонарь, щёлкнул кнопкой, и слабый луч света выхватил из темноты ржавые скобы, вбитые в стену, и обрывки кабеля, свисающие, как паутина.

Он начал спускаться, осторожно ставя ноги на

скобы, чувствуя, как металл под подошвами прогибается, будто вот-вот сорвётся. Каждая скоба отзывалась на его вес тихим, усталым скрипом, и этот звук был единственным, что связывало его с миром наверху. Ворон держался за перекладины,

чувствуя, как ржавчина царапает пальцы, как холод ползёт по рукам, поднимаясь всё выше, к плечам, к шее, к самому горлу. Он не смотрел вниз — знал, что там только темнота, густая, как смола, и если он заглянет туда слишком пристально, она начнёт шептать ему чужие имена, чужие просьбы, чужие мольбы.

Когда он наконец добрался до дна, то оказался в небольшом помещении, похожем на старый технический отсек. Стены были покрыты толстым слоем конденсата, и капли воды стекали по ним, собираясь в лужи на полу. Вода была тёмной, почти чёрной, и в ней отражался свет фонаря, но отражение было кривым, искажённым, будто стекло, по которому провели грязной тряпкой. Ворон сделал шаг вперёд, и подошва тихо чавкнула, провалившись в мягкую, вязкую жижу. Он замер, прислушиваясь, и тут услышал то, чего боялся больше всего: тихий, ровный звук, похожий на дыхание, только слишком глубокое, слишком тяжёлое, чтобы принадлежать

человеку.

Он направил фонарь в угол, и луч выхватил из темноты металлический ящик — не большой, но тяжёлый, с массивным замком, покрытым зелёной патиной. На крышке ящика кто-то выцарапал те же буквы, что и на люке: «Не верь тишине». Ворон подошёл ближе, чувствуя, как ноги становятся ватными, а пальцы сами собой крепче сжимают лом. Он протянул руку к замку, и в этот момент дыхание в углу стало громче, будто кто-то или что-то ждало, когда он коснётся металла.

Холод «Слезы» вдруг резко усилился, и перед глазами промелькнуло ещё одно видение — на этот раз длинное, цельное, как киноплёнка, которую кто-то крутил слишком быстро: он увидел себя, стоящего у этого самого ящика, только не сейчас, а раньше, в другой одежде, с другим лицом, с другим взглядом, в котором не было страха, а была только решимость. И в этом видении он знал, что внутри ящика лежит не просто вещь, а ключ к чему-то большему, к тому, что может изменить всю Зону. Видение оборвалось так же внезапно, как и началось, оставив после себя горький привкус во рту и ощущение, будто он только что заглянул в собственную могилу.

Ворон отступил на шаг, и в этот миг из темноты донёсся тихий, сухой треск — такой, какой бывает, когда кто-то медленно, осторожно переступает с ноги на ногу, стараясь не выдать себя. Он резко обернулся, вода фонарём по стенам, но луч света не успевал за тем, что пряталось в углах: тени двигались быстрее, чем он успевал их замечать, и казалось, что сама темнота здесь живая, дышит, следит, ждёт.

И тут фонарь моргнул. Сначала один раз, потом ещё, и свет стал тусклее, будто батарейки сдавались под давлением этого места. Ворон встряхнул фонарь, но это не помогло — свет продолжал слабеть, съеживаться, как загнанный зверь. Он почувствовал, как по спине ползёт ледяная струйка пота, и понял, что остался один на один с тем, что

жило в этом отсеке, с тем, что питалось чужими воспоминаниями и страхом.

Внезапно из темноты раздался голос — не громкий, не угрожающий, а усталый, будто говоривший уже сотни раз произносил эти слова и знал, что его не слушают:

— Ты не сможешь забрать это и уйти. Зона не отдаёт. Она только берёт.

Ворон замер, сжимая лом так, что пальцы

побелели. Он хотел окликнуть говорившего, спросить, кто он, но горло перехватило, и вместо слов из груди вырвался только хриплый выдох.

— Кто здесь? — наконец выдавил он, и собственный голос прозвучал в этом помещении странно, глухо, будто его тут же поглотила сырая тишина.

Ответа не последовало. Только снова раздался тот же сухой треск, ближе, отчётливее, и тень в углу шевельнулась, становясь выше, плотнее, принимая очертания человеческой фигуры. Ворон поднял лом, выставил его перед собой, как щит, и почувствовал, как металл вибрирует в руке, отзываясь на

напряжение, на страх, на холод «Слезы», который теперь пульсировал где-то в горле, мешая дышать. Фонарь моргнул в последний раз и погас. Тьма накрыла помещение мгновенно, как тяжёлое одеяло, и в этой тьме Ворон услышал совсем рядом тихий, сухой шёпот:

— Ты думал, что пришёл за чудом. А чудо пришло за тобой.

Он рванулся вперёд, не разбирая дороги, на ощупь, ударяясь плечами о стены, царапая руки о

ржавые выступы. Он бежал, не зная куда, чувствуя только, как тьма цепляется за одежду, за волосы, за кожу, пытаясь удержать его здесь, в этом месте, где время течёт иначе, где прошлое и будущее

сплетаются в тугой, болезненный узел.

Вдруг впереди мелькнул слабый свет — не фонарь, не костёр, а тусклое, зеленоватое свечение, будто где-то рядом горел старый аварийный индикатор. Ворон рванулся к нему, чувствуя, как надежда обжигает грудь, как будто этот свет был единственным, что могло спасти его от тьмы. Он выскочил в узкий коридор, стены которого были покрыты странными узорами — не рисунками, а будто следами от когтей, глубокими, ровными, будто кто-то очень долго и очень терпеливо царапал металл.

Коридор вывел его к металлической двери с тяжёлой ручкой. Ворон схватился за неё, потянул, и дверь со скрипом поддалась, открывая проход наружу — туда, где снова был туман, сырой, холодный, но теперь он казался почти родным, потому что за ним не было этой давящей тьмы, этого

шёпота, этой уверенности, что Зона уже почти забрала его.

Он выскочил на небольшую площадку, окружённую остатками забора, и остановился, хватая ртом воздух, который теперь казался сладким, хотя пах всё той же гарью и озоном. Перед ним расстилалась новая пустошь — не та, по которой он шёл раньше, а другая, незнакомая, с редкими, искривлёнными

деревьями, похожими на застывшие крики. И где-то

вдалеке, за этими деревьями, мерцал одинокий огонёк — не такой, как у костра, а ровный, холодный, похожий на свет маяка.

Ворон сделал шаг в ту сторону, чувствуя, как холод «Слезы» снова становится точкой под рёбрами, не такой острой, не такой всепоглощающей, будто тьма в отсеке на мгновение выпустила его из своих когтей. Но он знал: это только передышка. Зона не забывает. Она просто делает паузу, чтобы ты успел поверить, что спасся.

А потом из-за деревьев показалась ещё одна фигура — не Шрам, не безликая тень, а человек в старом, потрёпанном комбинезоне, с капюшоном, надвинутым на лицо. Он стоял неподвижно, будто ждал, когда Ворон подойдёт ближе. Ворон замер, сжимая лом, и в этот момент ему показалось, что незнакомец знает о нём всё — о «Слезе», о его цели, о той фотографии, которую он носил в кармане, о мальчике с игрушечным роботом и о женщине, которая улыбалась так, будто верила, что он обязательно вернётся.

Незнакомец медленно поднял руку и сделал короткий жест — не угрозу, не приглашение, а скорее предупреждение: «Дальше будет хуже».

Ворон не двинулся с места. Он смотрел на эту фигуру, чувствуя, как прошлое и настоящее сталкиваются в его груди, как «Слеза» снова начинает пульсировать, напоминая, что охота ещё не закончена. И что теперь охотятся не только за артефактом. Охотятся за ним.

Незнакомец не шевелился. Он стоял между искривлёнными деревьями, будто врос в эту пустошь, и даже туман обходил его стороной, расступаясь на шаг вокруг, словно боялся коснуться.

Ворон крепче сжал лом, чувствуя, как ржавчина царапает ладонь, а металл становится тёплым от его хватки — единственное, что ещё казалось настоящим в этом месте, где реальность трещала по швам.

— Кто ты? — голос Ворона прозвучал хрипло, будто он слишком долго молчал, и теперь слова царапали горло изнутри.

Незнакомец чуть наклонил голову, будто прислушивался не к словам, а к тому, что стояло за ними — к шуму в груди Ворона, к стуку его сердца, к шёпоту «Слезы», который, казалось, слышали уже все в Зоне.

— Тот, кто видел, как такие, как ты, уходят не возвращаются, — наконец произнёс он, и голос у

него был низкий, тяжёлый, будто каждое слово давалось с усилием. — Ты не первый, кто пришёл за «Слезой». И не первый, кто думал, что сможет её удержать.

Ворон сделал шаг вперёд, сам не зная, зачем — то ли чтобы лучше разглядеть лицо под капюшоном, то ли чтобы доказать себе, что ещё может двигаться, что ноги его слушаются.

— Я не за ней пришёл, — выдохнул он, и в этих словах прозвучала не ложь, а попытка убедить самого себя. — Я... я просто хотел понять.

Незнакомец усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки — только усталость, въевшаяся в голос, в плечи, в каждый его жест.

— В Зоне не бывает «просто». Здесь каждое «хочу» звучит как крик, и Зона всегда приходит на крик.

Он опустил руку, и на мгновение Ворон увидел у него на запястье тонкий металлический браслет — не украшение, не деталь экипировки, а что-то вроде старого дозиметра, только вместо шкалы на нём были вытравлены странные символы, похожие на руны. Браслет тихо щёлкнул, будто откликнулся на близость «Слезы».

— Она уже начала тебя менять, — тихо сказал

незнакомец, кивнув на грудь Ворона, туда, где под курткой пульсировал холод. — Ты думаешь, это видения? Это не Зона показывает тебе картинки. Это она берёт у тебя память, чтобы строить из неё новые ловушки. Каждый раз, когда ты видишь чужое прошлое, ты отдаёшь ей кусочек своего.

Ворон прижал ладонь к груди, будто мог унять эту пульсацию, спрятать её, заставить замолчать.

— Как остановить? — спросил он, и в этом вопросе не было гордости, не было бравады — только голая, отчаянная нужда.

Незнакомец помолчал, будто взвешивал, стоит ли вообще отвечать.

— Никак. Пока ты её носишь. Но можно... приглушить. Есть места, где Зона слабее. Где её шёпот тонет в тишине. Я могу показать дорогу. Если ты готов заплатить.

— Чем? — Ворон сжал лом так, что пальцы побелели. — У меня ничего нет.

— Не вещами, — незнакомец снова чуть наклонил голову, и в полумраке его глаза блеснули, острые и внимательные, как у хищника, который уже выбрал жертву, но ещё не решил, стоит ли нападать. — Памятью. Одной историей. Не любой. Той, которую ты больше всего боишься потерять.

Ворон отшатнулся, будто эти слова ударили его физически.

— Нет.

— Тогда иди один, — спокойно сказал незнакомец.

— Но не удивляйся, если через пару километров увидишь не деревья, а лица. И не удивляйся, если они будут звать тебя по имени.

Из-за спины незнакомца медленно выполз туман, густой и маслянистый, будто живой. Он обвил его плечи, скользнул по рукаву, потянулся дальше, к Ворону, и в этот момент Ворон понял: незнакомец не стоял отдельно от Зоны — он был её частью, её голосом, её способом говорить с теми, кто ещё цеплялся за себя.

Туман коснулся Ворона, и перед глазами снова вспыхнуло видение — на этот раз не обрывок, а целая сцена: он стоял у окна, за которым шёл снег, и кто-то тихо шептал ему на ухо: «Не оборачивайся. Просто иди». Он почувствовал запах снега и старого дерева, услышал скрип половицы под чьей-то ногой, и на миг ему показалось, что он снова там, в том доме, в той жизни, где не было ни Зоны, ни артефактов, ни вечной тьмы.

Он зажмурился, тряхнул головой, и видение рассыпалось, оставив после себя горький привкус во

рту и ощущение, будто он только что потерял что-то бесконечно важное. Когда он снова открыл глаза, незнакомца уже не было. Только туман висел на том месте, где он стоял, и в нём медленно кружились редкие искры, похожие на тлеющие угольки. Ворон огляделся. Пустошь вокруг казалась теперь не просто безжизненной — она была насторожённой, будто ждала его решения. Деревья стояли неподвижно, но в их изогнутых ветвях чудилось напряжение, как в натянутых струнах. Где-то вдалеке снова мерцал тот холодный огонёк, ровный и неумолимый, как маяк, который не обещает спасения, а только отмечает место, где придётся сделать выбор.

Ворон шагнул к нему, чувствуя, как «Слеза» под рёбрами снова начинает пульсировать, будто смеётся над его попытками убежать от себя. Он не знал, что ждёт его впереди — тайник, ловушка или ещё один голос Зоны, предлагающий сделку, от которой невозможно отказаться. Но он знал одно: если он остановится, если позволит себе поверить, что можно просто спрятаться, Зона найдёт его. Она всегда находит тех, кто носит в себе её эхо.

Туман сгустился, обволакивая его, шептал что-то на незнакомом языке, и слова эти складывались в один и тот же мотив: «Ты думал, что охотишься. А

охота идёт за тобой». Ворон шёл вперёд, не оглядываясь, потому что знал: если обернётся, то увидит не пустошь и не деревья, а тех, кого он

когда-то не смог спасти, — и тогда он уже не сможет сделать следующий шаг.

Огонёк впереди стал ярче, и в его свете Ворон разглядел очертания старого здания — не руины, а почти целый корпус с выбитыми окнами и покосившейся вывеской, буквы на которой давно стёрлись. Он замедлил шаг, чувствуя, как каждый вдох отдаётся в груди острой, колючей болью, и понял: это не передышка. Это граница. То место, где Зона перестаёт шептать и начинает говорить в полный голос.

И когда он подошёл к дверному проёму, из темноты внутри донёсся тихий, знакомый звук — не шёпот, не рык, а человеческий вздох, тяжёлый и усталый, будто кто-то долго бежал и наконец остановился, чтобы перевести дыхание. Ворон замер, сжимая

лом, и в этот миг ему показалось, что он знает этот вздох. Что он слышал его сотни раз, в десятках разных мест, в десятках разных жизней.

— Шрам? — прошептал он, и собственное имя прозвучало в его устах как вопрос, на который он боялся услышать ответ.

Тишина ответила ему не словами, а ещё одним вздохом — чуть ближе, чуть отчётливее. И в этом вздохе было столько усталости, столько боли, что Ворон понял: кто бы ни стоял там, в темноте, он знал Зону так же хорошо, как и Шрам. А может быть, даже лучше.

Ворон сделал последний шаг к проёму. Туман сомкнулся за его спиной, отрезая путь назад, и в тот момент, когда он переступил порог, тьма внутри

здания на мгновение расступилась, выхватывая из неё силуэт — высокий, ссутулившийся, с седыми висками и шрамом через бровь.

Это был Шрам. Но выглядел он так, будто постарел на десять лет за те несколько часов, что они не виделись. Его плащ был изодран, на рукаве темнело пятно, похожее на кровь, а в глазах читалось что-то, чего

Ворон раньше никогда не видел, — не усталость и не расчёт, а почти смирение.

— Ты не должен был сюда приходить, — тихо произнёс Шрам, и его голос звучал так, будто каждое слово стоило ему огромных усилий. — Здесь она сильнее. Здесь она знает все твои имена.

Ворон хотел спросить, как он выжил, хотел спросить, что это за место, хотел спросить хоть что-нибудь, чтобы вернуть себе ощущение

реальности. Но слова застряли в горле, потому что он вдруг понял: Шрам не просто спас его раньше. Он знал, что будет дальше. И, возможно, уже пытался это остановить.

— Что здесь? — выдохнул Ворон, и этот вопрос прозвучал не как вызов, а как мольба о правде.

Шрам посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом, в котором не было ни упрёка, ни жалости — только горькое понимание.

— То, ради чего ты пришёл. И то, что заберёт тебя, если ты не будешь осторожен.

Он протянул руку, будто хотел коснуться плеча Ворона, но в последний момент отдернул её, будто боялся, что одно прикосновение может всё испортить.

— У нас мало времени, — сказал он. — Зона уже начала охоту. И она не любит, когда добыча тянет время.

Ворон кивнул, не доверяя своему голосу, и шагнул глубже в темноту, туда, где свет огонёчка снаружи казался уже не спасением, а лишь слабым отблеском того, что ждало его впереди. Шрам двинулся следом, и их шаги слились в один тяжёлый, размеренный ритм, будто они уже шли этой дорогой раньше, много раз, и каждый раз она

вела их туда, откуда не было возврата.

А «Слеза» под рёбрами Ворона тихо пульсировала, отсчитывая мгновения до того момента, когда он наконец поймёт: охота — это не то, что происходит вокруг него. Охота — это то, что живёт внутри.

Они ступали по обломкам старой плитки, и каждый шаг отдавался в тишине здания глухим эхом — будто само пространство запоминало их присутствие, чтобы потом предъявить счёт. Внутри пахло не

просто пылью, а чем-то старым, въевшимся в стены: горелой проводкой, прокисшей влагой, металлом, который давно перестал быть просто металлом и

стал частью Зоны. Ворон шёл за Шрамом, стараясь не смотреть по сторонам, потому что знал: стоит ему зацепиться взглядом за любую деталь — за облупившуюся краску, за ржавый крюк, за тёмное пятно на полу, — и перед глазами снова вспыхнет чужое воспоминание, чужое горе, чужая вина.

Шрам двигался так, будто каждое движение стоило ему усилий, но при этом ни разу не споткнулся, не

задел ни одного выступа — он знал этот коридор, знал, где пол проседает, где из стены торчит острый

кусок арматуры, где воздух становится тяжелее, будто его пропитали свинцом. Он остановился у

тяжёлой металлической двери, покрытой слоями краски, которые давно растрескались и свисали, как чешуя мёртвой змеи. На двери не было ручки — только массивная петля и вмятина, будто кто-то пытался выбить её изнутри и не смог.

— Здесь, — тихо сказал Шрам, и в этом слове не было торжественности, только тяжесть, которую он нёс уже много лет. — Дальше не будет «потом». Будет только «сейчас». И если ты не готов к этому «сейчас», лучше развернись и уходи.

Ворон хотел спросить, что там, за дверью, но горло перехватило, а вместо слов из груди вырвался только сухой, короткий выдох. Он прижал ладонь к груди, туда, где под рёбрами пульсировала «Слеза», и почувствовал, как холод на мгновение стал почти горячим — будто артефакт протестовал против самой идеи отступления, будто хотел, чтобы Ворон шагнул вперёд, даже если там его ждёт конец.

— Я не могу уйти, — наконец прошептал он, и эти слова прозвучали не как вызов, а как признание поражения. — Она не отпустит.

Шрам кивнул, будто и не ждал другого ответа. Он наклонился, запустил пальцы в щель между дверью и косяком, нащупал что-то внутри — какой-то рычаг или защёлку — и потянул. Дверь не открылась, а скорее поддалась, как живое существо, которое

долго сопротивлялось, а теперь устало бороться.

Она со скрипом отъехала в сторону, обнажив проход в помещение, где воздух был не просто холодным, а будто вымороженным, лишённым всякой жизни.

Внутри было темно, но не так, как бывает в заброшенных зданиях — эта темнота была плотной, осязаемой, будто её можно было сжать в кулаке. И в этой темноте мерцали редкие, тусклые огоньки, похожие на светлячков, только они не летали, а

висели неподвижно, как застывшие точки боли.

Ворон сделал шаг вперёд, и тут же «Слеза» под рёбрами дёрнулась, будто узнала это место, будто здесь её когда-то создали или, наоборот, пытались уничтожить. Перед глазами мелькнуло не видение, а ощущение: ледяной холод, проникающий под кожу, и чей-то тихий плач, такой далёкий, что казалось, он звучит не в комнате, а где-то в самом воздухе, в самой структуре Зоны.

В центре комнаты стоял стол — не старый, не ржавый, а странно чистый, будто его протирали каждый день, несмотря на то что вокруг царило запустение. На столе лежала раскрытая тетрадь с пожелтевшими страницами, исписанными мелким, почти неразборчивым почерком. Рядом с тетрадью лежал ещё один артефакт — не такой, как «Слеза», не та-

кой, как «Эхо», а что-то третье, похожее на кусок чёрного стекла, отполированного до зеркального блеска, но в этом зеркале не отражалось ничего, кроме темноты.

Шрам подошёл к столу, осторожно, как к спящему хищнику, и коснулся края тетради. Его пальцы

замерли на бумаге, будто он боялся, что одно прикосновение может всё изменить.

— Это дневник того, кто пытался приручить Зону, — тихо произнёс он, не глядя на Ворона. — Он думал, что сможет записать её правила, найти логику там, где её нет. А Зона... она просто читала его мысли через эти страницы. И возвращала ему их в виде кошмаров.

Ворон шагнул ближе, чувствуя, как пол под ногами становится мягким, будто он ступает не по бетону, а по чему-то живому, дышащему. Он посмотрел на тетрадь, и вдруг ему показалось, что почерк на страницах — не чужой, а его собственный, только написанный другой рукой, рукой, которая знала больше, чем он сам. Он протянул руку, чтобы коснуться бумаги, но Шрам резко схватил его за запястье, останавливая.

— Не трогай, — голос Шрама прозвучал жёстко, без прежней усталости. — Если ты вступишь сюда

хоть слово, Зона сделает его правдой. А если прочитаешь слишком много — она сделает правдой всё, что там написано. Даже то, чего с тобой никогда не было.

Ворон отдёрнул руку, будто обжёгся, и в этот момент «Слеза» снова дёрнулась, на этот раз не холодом, а острой, колющей болью, будто пыталась вырваться наружу. Перед глазами вспыхнуло новое видение: он увидел не комнату, а длинный коридор, уходящий в бесконечность, и в конце этого коридора стояла фигура — не Шрам, не незнакомец в капюшоне, а он сам, только старше, с пустым

взглядом и шрамом на лице, похожим на тот, что был у Шрама. И этот «он» смотрел на него с такой тоской, будто знал, что Ворон сейчас стоит на пороге выбора, который изменит всё.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось, оставив после себя горький привкус во рту и ощущение, будто он только что заглянул в собственную могилу. Ворон отступил на шаг, ударившись плечом о стену, и почувствовал, как по коже пробежал ледяной ток — не от холода, а от понимания: Зона не просто показывала ему чужие воспоминания. Она предлагала ему новые пути, новые судьбы, и каждый из них был хуже

предыдущего.

Из темноты, из дальнего угла комнаты, донёлся тихий, сухой звук — не скрип, не шорох, а будто кто-то медленно, очень медленно переворачивал страницу. Ворон резко обернулся, вода взглядом по теням, но ничего не увидел. Только мерцающие огоньки в темноте стали чуть ярче, будто радовались его страху.

— Что это? — прошептал он, и голос его прозвучал в этой комнате странно, будто слова падали в глубокую яму и не находили дна.

Шрам не ответил сразу. Он смотрел не на угол, а на чёрный артефакт на столе, и в его глазах читалось что-то, похожее на отчаяние.

— Это она, — наконец произнёс он. — Зона. Она слушает. И она решает, кого из нас забрать первым.

И в этот момент чёрный артефакт тихо щёлкнул, будто сработал невидимый механизм, и из него

вырвался тонкий луч света — не яркий, а тусклый, болезненный, похожий на свет умирающей звезды.

Луч скользнул по стенам, по полу, по страницам тетради, и на мгновение в нём проступили слова, которых раньше не было: «Ты уже выбрал. Ты просто ещё не знаешь об этом».

Ворон почувствовал, как земля под ногами

дрогнула, будто сама Зона кивнула, подтверждая эти слова. Он хотел спросить, что это значит, хотел спросить, какой выбор он уже сделал, но не успел.

Из темноты снова донёсся тот же звук — переворачиваемая страница, — и на этот раз к нему присоединился ещё один звук: тихий, едва уловимый шёпот, похожий на чей-то голос, который шептал не слова, а имена. Имена тех, кого Ворон когда-то знал и кого Зона теперь использовала против него.

Шрам резко шагнул к Ворону, схватил его за плечо и потянул назад, к выходу.

— Уходим, — выдохнул он, и в его голосе не было ни приказа, ни расчёта — только голая, отчаянная необходимость. — Сейчас. Пока она не успела вплести тебя в эту тетрадь.

Они рванулись к двери, спотыкаясь о обломки, царапая плечи о стены, чувствуя, как темнота

тянется к ним, как будто хочет удержать их здесь, сделать частью этой комнаты, частью этих страниц.

Когда они выскочили в коридор, дверь за ними не просто закрылась — она захлопнулась с глухим, тяжёлым стуком, похожим на удар колокола, и в тот же миг коридор изменился. Стены, которые только что были серыми и облупившимися, теперь казались

гладкими, будто их только что покрасили, а в воздухе

появился запах свежей краски и чего-то сладкого, почти приторного, от чего сразу становилось тяжело дышать.

Ворон остановился, хватая ртом воздух, и посмотрел на Шрама. Тот стоял, тяжело опираясь на стену, и в его взгляде было что-то новое — не усталость, а почти страх.

— Что... что это было? — выдохнул Ворон.

Шрам медленно поднял голову и посмотрел на него так, будто видел его впервые.

— Ты не заметил, — тихо произнёс он. — Когда мы вошли в эту комнату, ты уже был не один. С тобой был кто-то ещё. Тот, кто знает Зону лучше, чем я. Тот, кто хочет, чтобы ты нашёл «Слезу». И теперь...

теперь он знает, где ты.

Ворон хотел переспросить, хотел сказать, что не понимает, но слова застряли в горле, потому что он вдруг вспомнил: когда он стоял у стола, ему показалось, что в отражении чёрного артефакта мелькнуло не его лицо, а лицо кого-то другого — знакомого, но чужого, будто это был не он, а его тень, его двойник, его худшая версия.

— Кто? — прохрипел он. — Кто со мной?

Шрам открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент из-за поворота коридора донёсся тяжёлый, размеренный шаг — не бег, не крадущееся

движение, а уверенное, неторопливое приближение того, кто знал, что добыча уже никуда не денется. И в этом шаге было что-то знакомое, что-то, от чего у Ворона похолодело всё внутри.

Он обернулся, вглядываясь в темноту, и вдруг увидел, как из тени выходит фигура — высокая, ссутулившаяся, с седыми висками и шрамом через бровь. Но это был не Шрам. Это был он сам. Только старше. Только с пустым взглядом. Только с тем самым шрамом, который он видел в видении.

Двойник остановился в нескольких шагах от них и посмотрел на Ворона так, будто знал о нём всё — о его страхах, о его надеждах, о той единственной причине, по которой он пришёл в Зону. Он медленно поднял руку и указал куда-то вперёд, туда, где коридор уходил в темноту.

— Иди, — произнёс он голосом, который был похож на голос Ворона, но в нём не было ни жизни, ни надежды. — Ты должен дойти. Иначе всё, что было до этого, было зря.

Ворон попятился, чувствуя, как «Слеза» под рёбрами пульсирует в такт его страху, как будто смеётся над ним. Он хотел закричать, хотел спросить, кто этот человек, хотел сказать, что это невозможно, но не смог выдать ни слова.

А двойник просто стоял и смотрел. И в его взгляде было столько тоски, столько боли, что Ворону вдруг показалось: это не Зона создала его. Это он сам создал этого человека — каждым своим шагом, каждым своим выбором, каждой своей ошибкой.

Шрам схватил Ворона за рукав и потянул вперёд.
— Беги, — выдохнул он. — Пока он не шагнул ближе.

И они побежали, не разбирая дороги, чувствуя, как коридор вокруг них меняется, как стены сдвигаются,

как воздух становится гуще, будто Зона пыталась замедлить их, удержать, заставить остаться и досмотреть эту сцену до конца.

Когда они выскочили наружу, перед ними снова была пустошь, серая, безжизненная, уходящая в туман. Но теперь туман был не просто серым — он был испещрён редкими, тусклыми огоньками, похожими на те, что они видели в комнате. И каждый из этих огоньков мерцал в такт ударам сердца Ворона, будто Зона теперь знала его ритм и подстраивалась под него.

Ворон остановился, хватая ртом холодный воздух, и посмотрел на Шрама.

— Кто он? — прошептал он. — Тот, другой?

Шрам посмотрел на него долгим, тяжёлым

взглядом, в котором не было ни утешения, ни лжи. — Тот, кем ты станешь, если не остановишься, — тихо произнёс он. — Или тот, кем ты уже был, и просто забыл.

Ворон хотел возразить, хотел сказать, что это неправда, что это просто Зона играет с ним, но в глубине души он знал: Шрам не лжёт. И что самое страшное — он сам не знал, какая из этих версий ближе к правде.

А где-то позади, в глубине здания, снова тихо щёлкнул чёрный артефакт, и в темноте мелькнули новые слова, которых никто не видел: «Охота только начинается».

Глава 3

Туман теперь не просто стелился по земле — он обретал голос. Он гудел, как далекая электрическая подстанция, в которую заглянула смерть, и этот звук проникал под кожу, вибрировал в костях, не давая забыть, что ты находишься внутри Зоны, внутри её сути, где законы внешнего мира не действуют, а действуют только её собственные — древние, жестокие и непонятные. Ворон стоял на краю пустоши, всё ещё чувствуя на себе взгляд двойника, который, казалось, проникал сквозь туман, сквозь

расстояние, сквозь саму ткань реальности, и Шрам стоял рядом, тяжело дыша, с лицом, которое стало ещё более измождённым, чем прежде. Ворон смотрел на него, и впервые за всё время он заметил то, что раньше ускользало от его внимания: Шрам не просто выглядел усталым — он выглядел пустым, как будто внутри него не осталось ничего, кроме привычки двигаться, говорить, защищать.

— Ты сказал, он знает Зону лучше, чем ты, — тихо произнёс Ворон, и голос его прозвучал в этом сыром, тяжёлом воздухе как трещина на льду. — Но ведь ты тоже её знаешь. Ты ведь был здесь раньше. Много раз. Ты помнишь это место, помнишь каждый коридор, каждую дверь, каждую ловушку. Откуда такая память, Шрам?

Шрам не ответил сразу. Он смотрел не на Ворона, а куда-то вдаль, в ту сторону, где огоньки мерцали

всё тем же холодным, неумолимым ритмом, и казалось, что он ищет в этом танце света ответ, которого у него нет. Наконец он перевёл взгляд, и

Ворон увидел в его глазах нечто такое, что заставило его внутренне сжаться: там не было ни тепла, ни узнавания — только тусклая, почти механическая искра, которая, казалось, держалась на одном упорстве, на одной привычке

существовать.

— Я был здесь не раз, — ответил Шрам, и его голос прозвучал глухо, будто он говорил не из груди, а из какого-то глубокого, пустого колодца внутри себя. — Но дело не в этом. Дело в том, что я помню не то, что видел. Я помню то, что она мне дала. Ворон нахмурился, чувствуя, как холод «Слезы» снова начинает пульсировать, на этот раз не равномерно, а с перебоями, будто артефакт внутри него тоже прислушивался к словам Шрама, пытаясь уловить их скрытый смысл.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, и в этом вопросе не было подозрения — только нарастающее, почти физическое беспокойство, потому что он вдруг понял, что смотрит на Шрама и не видит в нём человека, которого он встретил на Периметре. Он видит кого-то другого, кого-то, кто со временем превратился в тень самого себя. Шрам медленно провёл рукой по лицу, будто пытался стереть с него усталость, но вместо этого его пальцы дрогнули, и он на мгновение замер, глядя на собственную ладонь так, будто видел её впервые.

— Я ведь тебе не говорил, — начал он, и голос его стал тише, почти шёпотом, но в этом шёпоте слышалась такая тяжесть, что она давила на плечи

сильнее, чем сам туман. — Я никогда никому не говорил. Потому что это не имеет смысла, пока ты не увидишь это сам. Но теперь, когда ты увидел его...

— он кивнул в сторону здания, откуда они только что выбежали, — когда ты увидел того, кто выглядит как я, но не является мной... я должен тебе сказать.

Ворон не перебивал. Он стоял неподвижно, чувствуя, как каждый мускул его тела натянут как

струна, а холод под рёбрами стал почти невыносимым, будто «Слеза» предчувствовала, что сейчас прозвучит слово, которое изменит всё. Ветер, пробивающийся сквозь редкие деревья, донёс до них слабый, металлический запах, похожий на озон после грозы, и этот запах смешивался с сыростью тумана, создавая ощущение, будто они стоят не в реальном мире, а внутри огромной, остывающей машины, которая вот-вот запустится снова.

Шрам опустил руку, и в этом движении было что-то окончательное, будто он снимал с себя последнюю маску, ту, за которой прятался долгие годы.

— Я шатун, — произнёс он, и слова эти повисли в воздухе, как тяжелые камни, брошенные в тёмную воду. — Я не знаю, сколько раз я умирал здесь.

Сколько раз я просыпался на том же самом месте, с теми же самыми мыслями, с той же самой болью, и каждый раз мне казалось, что я живу впервые. Но

это не так. Я был здесь раньше. Я был здесь сотни

раз. Только я не помню, чтобы умирать. Я помню только, как вставать и идти.

Ворон замер, чувствуя, как слова Шрама проникают под его кожу, как они оседают в лёгких вместе с холодным воздухом, как они сжимают его грудь ледяной хваткой. Он попытался найти в этих словах ошибку, попытался сказать себе, что это просто бред, порождённый Зоной, но глубоко внутри, там, где «Слеза» пульсировала в такт его сердцу, он

знал: Шрам говорит правду. Ту самую правду, которую Ворон боялся услышать с того момента, как впервые увидел этого человека в заброшенной деревне.

— Шатун, — повторил он, и собственный голос прозвучал чужим, будто он не произносил это слово, а просто слышал его со стороны. — Это же... это те, кого Зона не отпускает. Те, кто не может уйти даже через смерть.

Шрам кивнул, и в этом кивке не было ни гордости, ни страха — только давняя, въевшаяся в плоть усталость, которая не проходит ни с отдыхом, ни с лекарствами, ни с артефактами.

— Да, — сказал он. — Только я не просто не могу уйти. Я не могу даже умереть по-настоящему.

Каждый раз, когда я погибаю, Зона создаёт нового меня из моих же воспоминаний. Она берёт то, что осталось, — обрывки, ощущения, страх, — и лепит из них новую копию. И я просыпаюсь. Снова. С той же болью в груди, с тем же шрамом через бровь, с тем же знанием, которое я накопил за бесчисленные жизни. Но каждый раз во мне становится меньше

меня самого. Зона забирает кусочек. И я не знаю, сколько у меня осталось.

Он говорил это спокойно, будто описывал чужую судьбу, но Ворон видел, как его пальцы сжимаются в кулаки, как сухожилия на руках натягиваются, будто он пытался удержать себя от того, чтобы не закричать, не разорвать эту тишину, которая давила на них обоих.

— А тот, кого мы видели в здании? — спросил Ворон, хотя уже знал ответ. — Тот, кто выглядел как ты, но не был тобой? Это тоже ты? Ещё одна копия? Шрам посмотрел на него долгим взглядом, и в этом взгляде мелькнуло что-то, чего Ворон не видел раньше: не усталость, не безнадёжность, а почти благодарность. Благодарность за то, что он наконец может сказать это вслух, перестать носить это в себе, как камень, который с каждым днём становится всё тяжелее.

— Нет, — тихо ответил он. — Это не я. Это то, что осталось от меня. Или, может быть, то, что я должен был стать, если бы Зона забрала всё до конца. Он не говорил мне, кто он. Но я знаю. Потому что я чувствую его так же, как чувствую собственную кровь в жилах. Он — моя будущая смерть. Или моя прошлая. Я не знаю, как работает время в Зоне. Здесь оно течёт не так, как снаружи.

Ворон сделал шаг вперёд, чувствуя, как ноги его дрожат, как каждый мускул протестует против этого движения, но он всё равно шёл, потому что ему нужно было быть ближе, нужно было коснуться Шрама, убедиться, что этот человек реален, что он

существует здесь и сейчас, а не является ещё одной иллюзией, которую Зона подсунула ему, чтобы сбить с пути.

— Почему ты мне не сказал раньше? — спросил он, и голос его сорвался на хрип, потому что в горле застрял ком, который нельзя было проглотить. — Почему ты не сказал, когда мы встретились в первый раз? Когда ты предупреждал меня у колодца? Шрам горько усмехнулся, и эта усмешка не коснулась его глаз, оставшись только на губах, как старая, зажившая рана, которая всё ещё болит при каждом движении.

— Потому что я не знал, что ты сможешь это услышать, — ответил он. — Большинство людей, когда слышат про шатунов, думают, что это легенды, байки для новичков, страшилки у костра. А те, кто

знают правду, обычно уже слишком далеко зашли, чтобы можно было их спасти. Я не хотел тебя пугать.

Я думал, что смогу проводить тебя к «Слезе» и исчезнуть, как делал это всегда.

— А теперь?

Шрам повернулся к нему, и в его взгляде было столько боли, столько отчаяния, что Ворону показалось, будто он видит не человека, а целый мир, который рушится у него на глазах, и он не может этому помешать.

— А теперь я знаю, что ты увидел его, — тихо сказал Шрам. — Ты увидел мою копию. Ты увидел, что я не единственный. И Зона показала тебе это не случайно. Она хочет, чтобы ты понял: я не человек.

Я просто эхо. И однажды я исчезну, как исчезли все

остальные. Но до этого момента я буду делать то, что должен. Я буду вести тебя. Даже если это последнее, что я сделаю.

Ворон стоял, чувствуя, как холод «Слезы» теперь пульсирует не просто под рёбрами, а во всём его теле, как будто артефакт пытался стать его кровью, его ды-

ханием, его самой сутью. Он смотрел на

Шрама, на этого человека, который был чем-то большим, чем просто проводник, — другом, защитником, тем, кто вставал между ним и Зоной, не думая о себе. И в этот момент он понял, что Шрам не просто рисковал собой. Он рисковал тем, что у него осталось, — последними крупными своей личности, последними воспоминаниями о том, кем он был когда-то.

— Я не оставлю тебя, — сказал Ворон, и слова эти прозвучали твёрже, чем он ожидал, будто они шли не от него, а откуда-то из глубины, из той части его души, которую Зона ещё не успела тронуть. — Ты не просто проводник, Шрам. Ты — причина, почему я всё ещё здесь. Если бы не ты, я бы сгинул в той деревне, сгинул в развалинах, сгинул в этом чёртовом здании. Ты дал мне шанс. И я дам тебе шанс. Даже если это ничего не изменит.

Шрам посмотрел на него, и в его глазах впервые за всё время мелькнуло что-то похожее на человеческую эмоцию — не усталость, не отчаяние, а почти удивление, будто он никогда не слышал таких слов, будто никто никогда не предлагал ему остаться, не оставлял выбора, кроме одного — идти и умирать снова и снова.

— Ты дурак, — тихо сказал он, и в этих словах не было обиды, только горечь и странная, щемящая благодарность. — Ты не понимаешь, что предлагаешь. Если я останусь с тобой, я приведу за собой всё, что Зона создала из меня. И она будет использовать меня, чтобы добраться до тебя.

— Пусть использует, — ответил Ворон, и в его голосе не было страха, только та же твёрдая решимость, которая заставляла его идти вперёд, несмотря на все предупреждения, несмотря на все видения, несмотря на сам холод, который теперь пульсировал в нём, как второе сердце. — Я не отступлю. Мы пройдем этот путь вместе, или мы не пройдем его вообще.

Шрам молчал долго, и туман вокруг них сгущался, обволакивая их плечи, касаясь лиц влажными, холодными пальцами, будто Зона слушала их

разговор и ждала, чем он закончится. Наконец он кивнул, и в этом кивке было столько же согласия, сколько и безнадёжности, будто он знал, что это решение приведёт их обоих к гибели, но уже не мог сопротивляться.

— Хорошо, — произнёс он, и голос его звучал ровно, но в нём слышалась та же усталость, только теперь к ней примешивалось что-то ещё — почти надежда, тонкая, как паутина, которую ветер может

разорвать в любой момент. — Тогда идём. Но знай: то, что будет дальше, будет хуже, чем всё, что ты видел до этого. Зона не прощает тех, кто пытается взять своё. И она не прощает тех, кто пытается

спасти других. Она считает это предательством. И она накажет нас обоих.

Они двинулись вперёд, в ту сторону, где огоньки мерцали всё так же холодно и неумолимо, как глаза хищника, который терпеливо ждал, пока его жертва сделает неверный шаг. Туман расступался перед ними, но неохотно, будто Зона не хотела отпускать их из своих объятий, хотела задержать, заставить их остановиться и услышать её шёпот, который теперь звучал не как голос, а как тысяча голосов, слитых в один.

Ворон шёл, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в его теле болью, как «Слеза» пульсирует всё быстрее, будто отсчитывала время, которое у них осталось. Он смотрел на Шрама, на его ссутуленную спину, на его тяжёлые, размеренные движения, и впервые за всё время он видел в нём не

легендарного сталкера, не загадочного проводника, а человека, который просто пытался выжить в мире, где сама реальность была против него. И он знал, что не может позволить ему умереть снова. Не

может позволить Зоне забрать ещё одну его копию, ещё один кусочек его души, пока он может это остановить.

Но когда они подошли к подножию старого, полуразрушенного моста, который перекинулся через глубокий овраг, полный тумана и теней, Шрам вдруг остановился, вскинув руку, и Ворон замер, чувствуя, как воздух вокруг становится плотным, почти осязаемым, будто они вошли в невидимую стену. Шрам медленно повернулся, и в его взгляде

Ворон увидел то, чего не видел раньше, — не усталость, не отчаяние, а почти спокойствие, как у человека, который наконец принял свою судьбу. — Дальше я не пойду, — тихо сказал Шрам, и голос его звучал ровно, без боли, без сожаления. — Мой путь заканчивается здесь. То, что ждёт тебя за этим мостом, — это не моя тропа. Это твоя. И я не могу переступить эту грань.

Ворон хотел возразить, хотел схватить его за плечо, встряхнуть, заставить идти дальше, но Шрам поднял руку, останавливая его.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — произнёс он, и в его голосе слышалась та же тёплая, почти отеческая нотка, которую Ворон слышал в начале их пути, когда они стояли у колодца и Шрам

предупреждал его об опасностях. — Но это не выбор. Это необходимость. Зона не позволит мне идти дальше. Она уже начала стирать меня.

Чувствуешь? Я становлюсь легче, Ворон. Я теряю вес. Не тела — души. И если я переступлю этот мост, я растворюсь в тумане, оставив после себя только

тень. А ты должен идти дальше. Ты должен найти то, ради чего пришёл. И ты должен спасти не меня, а тех, кто ждёт тебя там, за пределами Зоны.

Ворон стоял, чувствуя, как холод «Слезы» сжимает его грудь, как слёзы — нет, не слёзы, а что-то другое, что-то, что он не мог назвать, — подступает к горлу.

Он смотрел на Шрама, на его измождённое лицо, на его шрам, который теперь казался не просто шрамом, а отметиной Зоны, знаком того, что этот человек уже давно не принадлежит себе, и понимал,

что это прощание. Прощание, которое он не хотел принимать, но не мог отвергнуть.

— Я вернусь за тобой, — сказал он, и голос его дрогнул. — Когда я закончу. Когда я найду способ. Я вернусь и вытащу тебя отсюда.

Шрам улыбнулся, и эта улыбка была такой же тёплой, как в первый день, такой же настоящей, но в ней уже не было жизни — только отблеск того, что было когда-то.

— Не обещай того, чего не сможешь сделать, — тихо ответил он. — Но спасибо. Спасибо, что попытался. Это больше, чем я получал за все свои жизни.

Он сделал шаг назад, и туман начал сгущаться вокруг него, обволакивая его плечи, лицо, руки, будто Зона уже начинала забирать своё. Ворон хотел крикнуть, хотел сделать шаг вперёд, но ноги не слушались, а холод «Слезы» стал таким сильным, что он едва мог дышать. Он видел, как фигура

Шрама становится всё более прозрачной, как его лицо теряет чёткость, как его глаза, которые ещё мгновение назад смотрели на него с теплотой, теперь пустели, становились такими же холодными, как туман вокруг.

— Иди, — прошептал Шрам, и его голос звучал уже не из груди, а из самого воздуха, будто он стал частью Зоны. — И не оглядывайся. Ты должен помнить только одно: ты не один. Даже когда кажется, что всё потеряно, ты не один.

И он исчез. Растворился в тумане, как будто его никогда и не было, оставив после себя только

лёгкое, едва уловимое дуновение ветра, которое коснулось лица Ворона и тут же пропало, растворившись в сыром, тяжёлом воздухе. Ворон стоял неподвижно, чувствуя, как земля под ногами

становится твёрдой, как туман вокруг начинает рассеиваться, открывая путь вперёд, к старому мосту, который вёл к чему-то неизвестному, чему-то, что могло быть либо спасением, либо окончательной гибелью.

Он не оглянулся. Он не мог. Он знал, что если обернётся, то увидит только туман, который поглотил Шрама, и это зрелище сломает его окончательно. Вместо этого он шагнул вперёд, на мост, чувствуя, как деревянные доски прогибаются под его ногами, как они скрипят, будто жалуются на его вес, и в этом скрипе ему слышался голос Шрама, который шептал: «Иди, я буду рядом. Всегда».

Но когда Ворон прошёл половину моста и уже начал различать очертания леса на другой стороне оврага, в воздухе вдруг что-то изменилось. Тени под мостом зашевелились, поднимаясь из тумана, как древние, голодные существа, которые ждали своего часа. И среди этих теней он увидел фигуру — не Шрама, не его копию, а кого-то другого, кого-то, кто шёл прямо к нему, не торопясь, но неумолимо, и в его руке тускло блестел знакомый клинок. Это был тот самый человек в маске из проволоки и кожи, которого он видел в развалинах, тот, кто стоял у костра, тот, чьи глаза горели холодным, немигающим светом.

— Ты думал, что ушёл? — раздался голос, низкий и хриплый, как треск старого дерева. — Ты думал, что Зона отпустит тебя просто так? Она не прощает тех, кто пытается спасти шатунов. Она считает это предательством. И теперь ты заплатишь за это.

Ворон сжал лом в руке, чувствуя, как холод «Слезы» становится острее, как каждое его движение отдаётся болью в груди, но он не отступил. Он посмотрел на приближающуюся фигуру, на её маску, на её клинок, и вдруг понял, что это не просто монстр, не просто охотник Зоны. Это был тот, кто когда-то был человеком. Тем, кто тоже искал «Слезу», но нашёл только смерть. Тем, чьи воспоминания Зона использовала против него, чтобы заманить в ловушку. И теперь этот человек, эта тень, эта копия чужого прошлого, шла к нему, чтобы завершить то, что начала.

— Я не боюсь тебя, — сказал Ворон, и в его голосе не было страха, только усталость и та же твёрдая решимость, которая вела его весь этот путь. — Я не боюсь Зоны. Я не боюсь смерти. Я боюсь только одного — не успеть.

Фигура в маске остановилась в нескольких шагах, и её голова чуть наклонилась, будто она рассматривала его, оценивала, решала, стоит ли

нападать или лучше подождать. В тишине, которая воцарилась между ними, Ворон услышал, как «Слеза» под его рёбрами затихла, перестала пульсировать, будто затаилась, готовясь к чему-то важному. И в этот момент он понял, что это не просто финал охоты. Это начало чего-то нового.

Чего-то, что изменит его навсегда, если он переживёт эту встречу.

— Ты не уйдёшь, — произнесла фигура, и в её голосе слышалась уверенность, которая не знает сомнений. — Ты уже часть Зоны. Ты уже носишь её метку. Ты можешь бежать, но она найдёт тебя. Ты можешь спрятаться, но она увидит тебя. И однажды ты проснёшься и поймёшь, что ты не человек. Ты стал таким же, как я. Как Шрам. Как все мы.

Ворон посмотрел на неё, на её маску, на её клинок, и в этом взгляде не было ни страха, ни сожаления.

Он сжал лом крепче, чувствуя, как холод «Слезы» теперь смешивается с его собственным теплом, как артефакт перестал быть чужим и стал частью его, как будто он всегда был здесь, всегда ждал, когда

Ворон возьмёт его в руки.

— Тогда я буду тем, кто перепишет правила, — ответил он, и голос его звучал твёрдо и ровно, как сталь, которую закалили в самом огне. — Я не

остановлюсь. Никогда.

Он шагнул вперёд, навстречу фигуре, чувствуя, как воздух вокруг них начинает вибрировать, как туман сгущается, как Зона затаила дыхание, ожидая исхода. И в этот момент, когда клинок уже взметнулся вверх, готовый обрушиться на него, Ворон увидел за спиной фигуры слабый, мерцающий свет, который пробивался сквозь туман. Свет, который был похож на тот, что он видел в конце туннеля, в коридоре, в том далёком, почти забытом видении.

Он не знал, что это было — спасение или новая ловушка. Но он знал одно: он должен идти. Потому что Шрам сказал, что он не один. И потому что где-то там, за пределами Зоны, его ждали те, кто верил в него, даже когда он сам перестал верить в себя.

Фигура занесла клинок, и тьма сгустилась вокруг, готовая поглотить его целиком. Но Ворон не закрыл глаз. Он посмотрел прямо в эту тьму и улыбнулся, потому что в последний момент он понял, что победа не в том, чтобы выжить. Победа в том, чтобы не сдаться, даже когда весь мир против тебя. И в этом мире, где Зона не раздаёт чудес, где она только показывает цену, он был готов заплатить. До конца. — Я иду, — прошептал он, и слова эти

растворились в тумане, как эхо, которое никогда не замолкает.

Клинок опустил, но в этот же миг свет за спиной фигуры вспыхнул ярче, разрывая тьму, и Ворон сделал шаг — туда, где всё начиналось. Или туда, где всё заканчивалось.

А «Слеза» под его рёбрами снова начала пульсировать, медленно и ровно, как сердце Зоны, которая всё ещё ждала, когда он сделает последний выбор. И этот выбор был только его.

Туман дрогнул, когда клинок прорезал воздух там, где только что стоял Ворон, но он уже не стоял на месте — он шагнул вперёд, туда, где свет разрывал тьму на части, и почувствовал, как пространство вокруг него изменилось. Мост исчез, овраг исчез, даже холодный, тяжёлый воздух Зоны куда-то ушёл, уступив место чему-то новому, чему-то, что нельзя

было описать словами, потому что слова не создавались для этого места. Ворон не бежал, не падал, не летел — он просто двигался, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в нём не болью, а странной, почти забытой лёгкостью, будто Зона на мгновение отпустила его хватку, позволила сделать вдох без страха, без холода, без вечного ощущения, что за ним следят.

Свет стал плотнее, и в нём начали проступать очертания: не стены, не деревья, не руины, а что-то среднее между воспоминанием и явью, как будто он шагнул внутрь собственной памяти и увидел её со стороны. Серая комната, знакомая до боли, с выцветшими обоями, на которых когда-то были нарисованы цветы, и старый письменный стол у окна, за которым сидел мальчик лет пяти и что-то рисовал карандашом на мятом листе бумаги. За его спиной, на полке, стоял игрушечный робот — тот самый, с фотографии, которую Ворон носил в кармане, тот, которого мальчишка крепко прижимал к груди, улыбаясь в объектив. Ворон замер, чувствуя, как ноги отказываются его слушаться, как холод

«Слезы» внутри него вдруг стихает, сжимается в точку, почти исчезает, будто артефакт тоже узнал это место, тоже понял, что здесь они не чужие.

Мальчик поднял голову и посмотрел прямо на Ворона — не сквозь него, не мимо, а прямо в глаза, и в этом взгляде было столько доверия, столько тепла, что у Ворона перехватило дыхание. Это был он сам.

Маленький, беззащитный, с ещё не стёртой улыбкой, с ещё не погашенным светом в глазах, тот, кого Зона

не могла тронуть, потому что он существовал не в пространстве, а во времени, в том далёком «до», которое

Ворон похоронил так глубоко, что думал — никогда не найдёт.

— Ты пришёл, — сказал мальчик, и его голос звучал тихо, но отчётливо, как колокольчик в полной тишине. — Я знал, что ты придёшь. Ты всегда приходишь, когда я тебя зову.

Ворон хотел ответить, хотел сказать, что это невозможно, что это просто иллюзия, что Зона снова играет с ним, но слова застряли в горле, потому что он вдруг понял: это не иллюзия. Это не ловушка. Это то, что осталось от него самого, то, что он потерял, когда впервые переступил Периметр, когда позволил Зоне войти в свою душу. И этот мальчик, этот маленький Ворон с игрушечным роботом в руках, был единственным, кто знал правду о том, зачем он вообще пришёл в это проклятое место.

— Я не знал, что ты здесь, — наконец выдавил он, и голос его дрогнул, потому что он боялся спугнуть это видение, боялся, что оно исчезнет, как исчез Шрам, как исчезает всё, к чему он прикасается. — Я думал... я думал, что потерял тебя навсегда. Мальчик улыбнулся, и эта улыбка была такой же тёплой, как на фотографии, такой же настоящей, будто время не имело над ней власти. Он положил карандаш на стол и взял робота, прижал его к груди, как делал это тысячи раз, и Ворон почувствовал, как

холод «Слезы» внутри него становится не болью, а почти теплом, как будто артефакт отзывался не на страх, а на что-то другое, на то, что Ворон давно

похоронил, но что всё ещё жило где-то глубоко, в самых потаённых уголках его души.

— Ты не потерял меня, — сказал мальчик, и его голос стал серьёзным, почти взрослым, будто он знал то, что Ворону ещё только предстояло узнать.

— Я всегда был с тобой. Просто ты перестал меня слышать. Ты думал, что Зона забрала всё, но она не может забрать то, что не принадлежит ей. Она не может забрать меня, потому что я не её. Я твой.

Ворон опустился на колени, чувствуя, как бетонный пол комнаты становится мягким, как земля, как трава, как что-то живое, что дышало вместе с ним.

Он протянул руку, чтобы коснуться плеча мальчика, но остановился в сантиметре, боясь разрушить эту хрупкую реальность, боясь, что прикосновение превратит её в туман, в холод, в пустоту, которая ждала его снаружи.

— Я не знаю, что делать, — прошептал он, и в этом признании не было стыда, только голая, выжженная правда. — Я думал, что знаю. Я думал, что найду «Слезу», вернусь, спасу... Но всё пошло не так. Всё пошло не по плану. Я потерял Шрама. Я

потерял себя. И я не знаю, как вернуться.

Мальчик посмотрел на него с той мудростью, которая не может принадлежать ребёнку, но которая была здесь, в этом странном месте, где время текло иначе, где прошлое и настоящее сплетались в один тугой узел.

— Ты не должен возвращаться, — тихо сказал он.

— Ты должен идти вперёд. Не назад, не туда, где всё началось, а туда, где ты ещё не был. Зона показала

тебе цену, но она не показала тебе, что за ней стоит.

Ты думал, что «Слеза» исцеляет? Она не исцеляет.

Она показывает тебе, что ты уже исцелён. Просто ты не знал об этом.

Ворон замер, чувствуя, как эти слова проникают под его кожу, как они оседают в лёгких, в крови, в самой основе его существа. Он смотрел на

мальчика, на его игрушечного робота, на комнату, которая была его детством, его убежищем, его

единственным безопасным местом, и понимал: Шрам говорил правду. «Слеза» не даёт чудес. Она

только показывает то, что уже есть. И то, что Ворон искал всё это время, было не снаружи, а внутри него, в том маленьком мальчике, который никогда не переставал верить, что однажды всё наладится.

— Но как? — спросил он, и голос его сорвался на

шёпот. — Как идти вперёд, когда всё, что у тебя было, осталось позади?

Мальчик встал, подошёл к нему и положил свою маленькую ладонь на его руку, и в этом прикосновении не было холода — только тепло, которое разливалось по всему телу, заставляя

«Слезу» затихнуть, затаиться, будто она признавала силу этого момента.

— Ты идёшь не один, — ответил мальчик, и его глаза блеснули, как две маленькие звёзды в сером небе. — Ты никогда не был один. Даже когда тебе казалось, что Зона поглотила всё, даже когда ты стоял на мосту и смотрел, как исчезает Шрам, даже когда ты думал, что у тебя ничего не осталось, — я

был с тобой. Я всегда буду с тобой. Потому что я — это ты. Тот, кем ты был. И тот, кем ты станешь.

В комнате стало светлее, и Ворон почувствовал, как стены начинают таять, как будто они были

сделаны из тумана, который теперь рассеивался, открывая новый путь — не коридор, не пустошь, не

здание, а что-то среднее между лесом и городом, где редкие деревья росли прямо среди обломков бетона, а в воздухе пахло не гарью и озоном, а сырой землёй и дождём, который прошёл здесь совсем недавно. Он поднялся на ноги, чувствуя, как мальчик

отпускает его руку, и в этом жесте не было прощания — только доверие, только уверенность, что они увидятся снова, когда придёт время.

— Иди, — сказал мальчик, и его голос стал тише, как будто он уже начал растворяться вместе с комнатой. — Иди и не останавливайся. Зона будет пытаться тебя сломать, но ты сильнее. Ты всегда был сильнее. Ты просто забыл об этом.

Ворон шагнул вперёд, туда, где серый свет смешивался с зелёным, где воздух становился свежее, где даже тени казались мягче, чем в остальной Зоне. Он не оглядывался, потому что знал: мальчик уже исчез, растворился вместе с комнатой, с письменным столом, с игрушечным роботом, оставив после себя только тепло на коже и странную, почти забытую лёгкость в груди. Холод «Слезы» теперь был не врагом, а спутником, тихим и почти незаметным, как пульс, который напоминал о том, что он жив, что он всё ещё здесь, что он может идти дальше.

Он шёл по этому странному лесу, где деревья тянулись к небу сквозь обломки старого города, где на ветвях висели не листья, а редкие, тусклые огоньки, похожие на те, что он видел в комнате с тетрадью, и каждый из них мерцал в такт его

дыханию, будто Зона наконец перестала охотиться и начала просто слушать. Ворон не знал, сколько времени прошло — минуты, часы, дни, — потому что здесь время не имело значения, здесь был только путь и шаги, которые вели его вперёд, к чему-то, что он не мог увидеть, но чувствовал всем своим существом.

И когда он вышел на небольшую поляну, окружённую высокими, почти чёрными деревьями, он увидел её — не «Слезу Монолита», не артефакт, не кристалл, а что-то другое, что-то, что стояло в

центре поляны, как памятник самому себе. Это была старая, покосившаяся скамья, сделанная из ржавого металла и дерева, которое давно начало гнить, но на ней кто-то сидел — фигура, знакомая до боли, с капюшоном, надвинутым на лицо, с тонким металлическим браслетом на запястье, который тихо щёлкал, отмеряя невидимые секунды.

— Ты пришёл, — произнёс незнакомец, и его голос звучал так же низко и тяжело, как в тот раз, когда они встретились у деревьев. — Я знал, что ты дойдёшь. Но я не знал, что ты дойдёшь таким.

Ворон остановился в нескольких шагах от скамьи, чувствуя, как «Слеза» внутри него снова начинает пульсировать, но теперь это был не холод и не боль — это был ритм, который совпадал с его

собственным сердцем, будто артефакт наконец признал его хозяином.

— Что это за место? — спросил он, и голос его звучал ровно, без страха, без вызова, только с тем спокойствием, которое приходит после того, как ты перестаёшь бояться самого страшного.

Незнакомец откинул капюшон, и Ворон увидел его лицо — не молодое, не старое, а будто вырезанное из камня, с глубокими морщинами, которые говорили о том, что этот человек видел Зону в её самые тёмные дни, когда она только рождалась, когда она только училась убивать. Его глаза были светлыми, почти прозрачными, и в них не было ни угрозы, ни насмешки — только спокойствие, которое могло принадлежать только тому, кто уже всё понял.

— Это место, где Зона отдыхает, — ответил он, и в его голосе мелькнула странная, тёплая нотка. — Не так много таких мест осталось. Она растёт, она захватывает всё больше пространства, но здесь, в сердце её самой старой части, она всё ещё помнит, что когда-то была чем-то другим. Когда-то она была просто землёй. Просто травой. Просто дождём. И здесь она позволяет себе быть той, кем была.

Ворон сделал шаг ближе, чувствуя, как под ногами не бетон и не грязь, а мягкая, почти живая земля, которая

дышала вместе с ним.

— Зачем ты привёл меня сюда? — спросил он. — Ты мог просто оставить меня там, у деревьев. Ты мог позволить Зоне забрать меня. Но ты показал мне дорогу. Почему?

Незнакомец посмотрел на него долгим взглядом, и в этом взгляде было что-то, что невозможно было выразить словами, но что Ворон почувствовал всем своим существом: этот человек когда-то был таким же, как он. Таким же потеряннным, таким же отчаявшимся, таким же готовым заплатить любую цену за свой шанс. И он выжил. Он прошёл через всё и оказался здесь, в этом странном месте, где Зона переставала быть врагом и становилась просто фоном, просто обстоятельством, просто частью мира, которую можно принять.

— Потому что я ждал тебя, — наконец произнёс незнакомец, и голос его стал тише, почти человеческим. — Я ждал тебя дольше, чем ты можешь себе представить. Я ждал тебя с того самого дня, когда ты впервые переступил Периметр. Я знал, что ты придёшь. Не потому, что я видел будущее, а потому, что я знаю Зону. И я знаю, что она никогда не приводит сюда тех, кто не готов.

Ворон сел на траву напротив скамьи, чувствуя, как

ноги наконец перестают дрожать, как тело принимает это место, эту тишину, этот свет, который просачивался сквозь кроны деревьев, падая на землю золотыми, тёплыми пятнами. Он смотрел на незнакомца, на его браслет, на его лицо, и впервые за долгое время он не чувствовал ни холода, ни страха, только тихое, почти забытое спокойствие. — Что теперь? — спросил он, и в этом вопросе не было отчаяния, только любопытство человека, который перестал бояться ответов.

Незнакомец улыбнулся, и в этой улыбке была та же грусть, что и в словах Шрама, но без горечи, без безнадёжности — только принятие.

— Теперь у тебя есть выбор, — сказал он. — Ты можешь остаться здесь, в этом месте, где Зона не трогает тех, кто пришёл с миром. Ты можешь прожить здесь остаток своих дней, в покое, без кошмаров, без видений, без вечной охоты. Или ты можешь идти дальше. Туда, где Зона ещё сильна. Туда, где она не будет отдыхать. Туда, где тебе придётся встретиться с ней лицом к лицу, без защиты, без проводников, без надежды на чудо. Только ты и она. И твой выбор.

Ворон молчал, чувствуя, как тёплый свет касается его лица, как «Слеза» внутри него пульсирует тихо и

ровно, как сердце, которое наконец нашло свой ритм. Он думал о Шраме, о его исчезновении, о его последних словах. Он думал о мальчике с игрушечным роботом, о его уверенности, что Ворон справится. Он думал о фотографии, которая всё ещё лежала в кармане, и о тех, кто ждал его там, за пределами Зоны, даже не зная, что он всё ещё жив. — Я пойду дальше, — сказал он, и голос его звучал твёрдо, как сталь, которую закалили в самом огне. — Я не могу остановиться. Я не могу просто сидеть здесь и ждать, пока всё решится само собой. Я пришёл в Зону не за покоем. Я пришёл за правдой. И я найду её. Даже если она сломает меня. Незнакомец кивнул, и в этом кивке было столько же уважения, сколько и печали, будто он знал, что этот выбор приведёт Ворона к гибели, но не мог его

переубедить, потому что сам когда-то сделал точно такой же.

— Тогда иди, — сказал он, и в его голосе появилась та же тёплая нотка, которую Ворон слышал у Шрама в их последние моменты. — Иди, и пусть Зона запомнит твоё имя. Потому что, возможно, именно ты станешь тем, кто изменит её.

Или тем, кто покажет ей, что даже в самой тёмной ночи есть свет.

Он поднялся со скамьи, и его фигура на мгновение стала прозрачной, как у Шрама, когда он исчезал в тумане. Но вместо того чтобы раствориться, он просто пошёл в сторону, туда, где деревья становились гуще, где свет становился ярче, и его шаги не оставляли следов на мягкой земле.

Ворон остался на поляне один, чувствуя, как ветер касается его лица, как «Слеза» пульсирует в такт его дыханию, как где-то вдалеке, за деревьями, начинается новая часть пути — та, которую он должен пройти без проводников, без карт, без надежды на то, что кто-то вытащит его, если он упадёт. Он достал из кармана фотографию, посмотрел на улыбающуюся женщину, на мальчика с игрушечным роботом, и в этом взгляде не было больше ни боли, ни сомнения — только тихая, уверенная решимость.

— Я вернусь, — прошептал он, и слова эти растворились в воздухе, как обещание, которое он дал не им, а себе. — Я обязательно вернусь.

Он поднялся на ноги, чувствуя, как земля под ним становится твёрдой, как воздух наполняется новыми

запахами — не гарью, не озоном, а чем-то свежим, живым, почти настоящим. И когда он сделал первый шаг в сторону леса, туда, где свет становился ярче, он

услышал за спиной тихий, едва уловимый звук —

не шёпот, не голос, а что-то вроде далёкого смеха, который был похож на смех мальчика, оставшегося в серой комнате.

Он не обернулся. Он просто улыбнулся и пошёл дальше, туда, где Зона ждала его, чтобы показать ему то, что он должен был увидеть с самого начала.

И в этом пути не было конца, потому что охота никогда не заканчивается. Она просто становится другой. И каждый шаг, который он делал, приближал его к той истине, которую он искал, даже не зная, что она уже была внутри него с самого первого дня.

А где-то глубоко в тумане, там, где Шрам растворился, оставив после себя только лёгкое дуновение ветра, зажглась новая точка света — маленькая, тусклая, но живая. И она мерцала в такт сердцу Ворона, напоминая ему о том, что он не один. Что всегда найдётся кто-то, кто будет ждать его возвращения. Даже если этот кто-то уже не человек. Даже если этот кто-то — сама Зона, которая наконец перестала быть врагом и стала чем-то другим, чем-то, что можно понять, если перестать бояться.

Ворон шёл вперёд, и лес расступался перед ним, открывая новые тропы, новые горизонты, новые

опасности. И в этом движении не было конца, потому что конец — это всего лишь начало чего-то

нового. Как сказал мальчик в серой комнате: «Ты

идёшь не один». И Ворон наконец поверил в это. Полностью. Без страха. Без сомнений.

А Зона слушала его шаги и улыбалась — не как хищник, а как старый друг, который наконец встретил того, кто понял её правила. И в этой улыбке было обещание — не лёгкости, не спасения, а правды, которую

он искал всю свою жизнь. И Ворон был

готов принять её. Какой бы она ни была. Потому что, как сказал Шрам в самом начале: «Зона не раздаёт

чудес. Она лишь показывает, чего ты стоишь». И

Ворон наконец узнал, чего он стоит. И этот ответ был сильнее любого артефакта, сильнее любой смерти, сильнее самой Зоны.

Он шёл, и лес становился светлее, и в этом свете не было ни холода, ни тьмы, только путь, который ждал его впереди. А позади оставалась поляна, скамья, и

тихий, едва уловимый шёпот, который

повторял одно слово: «Иди». И Ворон шёл. Потому что это было всё, что он мог сделать. И этого было достаточно.

Лес, в который ступил Ворон, не был похож ни на одно место, которое он видел раньше в Зоне. Здесь не было ржавого металла, не было обломков бетона, не было той липкой, колючей тишины, которая

заставляла каждый нерв в теле дрожать от напряжения. Вместо этого воздух был влажным и тёплым, пахло не гарью, а мокрой землёй, прелыми листьями и чем-то ещё, отдалённо знакомым, будто он когда-то давно, в другой жизни, уже дышал этим запахом и считал его естественным, обычным, не таящим в себе угрозы. Деревья здесь были

высокими, но не искривлёнными, как те, что он видел на пустоши, — их ветви тянулись к свету, пробивавшемуся сквозь редкие просветы в кронах, и на них висели не тусклые огоньки, а настоящие листья, зелёные, живые, с каплями недавнего дождя, которые дрожали от малейшего дуновения ветра и падали вниз, оставляя на земле тёмные, влажные круги.

Ворон шёл медленно, чувствуя, как каждый шаг утопает в мягкой, податливой почве, которая не проваливалась под ногами, а, наоборот, будто поддерживала его, не давая усталости взять верх. Холод «Слезы» внутри него теперь стал почти незаметным — не как боль, не как напоминание об опасности, а как тихий фон, как второй пульс, который бился в такт его собственному сердцу, создавая странную, гармоничную симфонию, от которой на душе становилось спокойно, почти

безмятежно. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он покинул поляну, но здесь, в этом лесу, время текло иначе — не как река, не как песок в часах, а как что-то тягучее, медленное, будто сама природа решила дать ему передышку, прежде чем он снова столкнётся с тем, что ждало его впереди.

В какой-то момент тропа, по которой он шёл, раздвоилась: одна её часть уходила влево, в более густую чащу, где свет почти не пробивался сквозь кроны, а другая вела вправо, к небольшому холму, на вершине которого виднелись очертания чего-то, похожего на старое, полуразрушенное здание, но не такое, как завод или депо, — скорее, это был дом,

обычный деревянный дом, с покатой крышей и покосившимся крыльцом, который, казалось, стоял здесь вечность, вросший корнями в землю, как ещё одно дерево, только сделанное руками человека.

Ворон замер на распутье, прислушиваясь к себе, к ощущениям, которые поднимались из глубины, и «Слеза» под его рёбрами слабо дрогнула, будто указывая направление, — не влево, не вправо, а прямо, туда, где лес расступался, открывая вид на этот старый, забытый дом.

Он двинулся вперёд, и с каждым шагом воздух становился чуть прохладнее, а запахи — чётче, острее: к

мокрой земле и прелым листьям

примешивался запах старого дерева, сухой пыли и ещё чего-то, едва уловимого, похожего на дым, который, видимо, шёл из трубы, потому что над

крышей дома струился тонкий, почти прозрачный столбик серого дыма, поднимавшийся к небу и растворяющийся в нём, как будто его и не было.

Ворон подошёл к крыльцу, почувствовав, как доски под его ногами скрипят, будто приветствуют его, будто знают, кто он и зачем пришёл, и в этом скрипе

было что-то уютное, почти домашнее, от чего на душе становилось теплее, хотя он знал, что в Зоне не может быть ничего по-настоящему уютного, что это лишь ещё одна ловушка, ещё один тест, который она подкидывает ему, чтобы проверить, готов ли он довериться чему-то, что выглядит безопасным.

Дверь была приоткрыта, и через щель виднелся слабый, тёплый свет, похожий на свет керосиновой лампы — не электрический, не холодный, а живой,

мерцающий, который создавал уютные тени на стенах и полу. Ворон толкнул дверь ладонью, и та подалась с тихим, протяжным скрипом, открывая перед ним комнату, которая была полна вещей, казавшихся знакомыми: старый диван с вытертой обивкой, стол, покрытый клетчатой скатертью, на

котором стояла кружка с остывшим чаем и горела лампа, полка с книгами, чьи корешки выцвели от времени, и фотография в деревянной рамке, стоящая на подоконнике, — фотография женщины с мальчиком, которая была почти такой же, как та, что лежала в кармане его куртки, только здесь женщина улыбалась шире, а мальчик был чуть старше, лет семи, и его игрушечный робот был не зелёным, а синим, но это был тот же самый робот, Ворон мог поклясться в этом, потому что узнал бы его где угодно, даже в самой тёмной глубине Зоны.

Он переступил порог, и в тот же миг «Слеза» внутри него затихла совсем, перестала пульсировать, будто она не чувствовала здесь опасности, будто это место было для неё нейтральным, почти пустым, как комната, из которой вынесли всю мебель. Ворон подошёл к столу, провёл пальцами по скатерти, чувствуя под ними мягкую, чуть шершавую ткань, которая была настоящей, самой настоящей, не иллюзией, не игрой света, а просто старой тканью, и на мгновение ему показалось, что он снова в том мире, где нет Зоны, где есть только дом, чай, книги и фотографии, где можно просто сидеть и дышать, не боясь, что следующий вдох станет последним. Он взял в руки

кружку, и она оказалась тёплой, будто её только что налили, хотя дым над крышей был едва заметным, и в этом тепле было что-то такое, что заставило его улыбнуться — первый раз за много дней, первый раз с тех пор, как он переступил Периметр и оставил позади всё, что знал.

— Ты пришёл, — раздался голос сзади, и Ворон не вздрогнул, потому что этот голос не был угрожающим, не был чужим — он был спокойным, ровным, как у человека, который давно ждал гостя и не удивлён его появлением. Он обернулся и увидел женщину, стоящую в дверном проёме, ведущем в соседнюю комнату, — не молодую, но и не старую, с седыми прядями в тёмных волосах, с тёплыми, карими глазами, которые смотрели на него с той же мягкой грустью, что и глаза женщины на фотографии, только здесь эта грусть была глубже, старше, будто она видела больше, чем могла

выдержать, и всё равно продолжала улыбаться, чтобы не напугать его.

— Кто ты? — спросил Ворон, хотя внутри него уже зарождалась догадка, холодная и одновременно обжигающая, как удар молнии в ясный день.

Женщина подошла ближе, и в её движениях было что-то знакомое, почти родное — как она поправила прядь волос, как она слегка наклонила голову, рассматри-

вая его, будто пыталась вспомнить что-то важное.

— Я та, кто ждала тебя здесь, — ответила она, и голос её прозвучал тихо, но отчётливо, как колокольчик в полной тишине. — Я не знаю, как меня

звать в этом месте. Имя не имеет значения, когда ты живёшь внутри Зоны так долго, что забываешь, кто ты была до неё. Но я знаю, что ты — Ворон. И я знаю, что ты ищешь.

Она указала на кресло рядом с диваном, и Ворон, не раздумывая, сел, чувствуя, как тело само принимает эту позу, как будто он сотни раз сидел в этом кресле, смотрел на эту лампу, слушал этот дождь за окном — и, может быть, так оно и было, в какой-то другой жизни, в каком-то другом времени, которое Зона переплела с его настоящим.

— Я ищу «Слезу», — сказал он, и слова эти прозвучали почти как признание, как исповедь перед тем, кто не осудит, кто просто выслушает. — Я думал, что она исцелит. Я думал, что она вернёт мне то, что я потерял. Но теперь... теперь я уже не уверен, что это то, что мне нужно.

Женщина села напротив него, на край дивана, и её руки легли на колени, спокойные, без дрожи, без напряжения, как у человека, который давно перестал

бояться Зоны и принял её как часть себя.

— «Слеза» никогда не исцеляет, — тихо сказала она, и в её голосе не было осуждения, только та же мягкая печаль, что и в глазах. — Она только открывает двери. Она показывает тебе то, что ты спрятал так глубоко, что сам перестал верить в его существование. Но она не делает выбор за тебя. Это всегда был твой выбор. С самого начала.

Ворон смотрел на неё, и его взгляд блуждал по её лицу, по морщинам у глаз, по седым прядям, и вдруг он понял, откуда берётся это чувство узнавания, это

тепло, которое разливается по груди, — она была похожа на ту женщину с фотографии, но не просто похожа, она была ею, только старше, только с другими глазами, в которых больше не было надежды на возвращение, а было только принятие того, что Зона забрала и что никогда не вернётся.

— Ты моя мать, — прошептал он, и эти слова прозвучали не как вопрос, а как утверждение, которое он носил в себе долгие годы, боясь

произнести его вслух, потому что если бы он сказал это раньше, ему пришлось бы признать, что она действительно исчезла, что она действительно ушла в Зону и не вернулась, и что он всю жизнь искал её, даже когда перестал верить, что она жива.

Она улыбнулась, и эта улыбка была такой же, как на фотографии, такой же тёплой, такой же настоящей, только теперь в ней была боль, которую он не видел раньше, потому что тогда, в детстве, он не умел читать чужие глаза, он видел только улыбку и верил, что всё хорошо.

— Да, — ответила она, и её голос дрогнул, но только на мгновение, потому что она была сильной, она всегда была сильной, даже когда уходила в Зону, даже когда оставляла его одного с фотографией и

игрушечным роботом. — Я твоя мать. И я ушла, чтобы найти способ вернуть тебе свет. Но Зона не

отпускает тех, кто пытается её обмануть. Она оставила меня здесь, в этом доме, где время не идёт, а стоит на месте. Я видела, как ты рос. Я видела, как ты переступил Периметр. Я видела, как

ты искал меня, даже когда сам не знал об этом. И я ждала, когда ты придёшь.

Ворон чувствовал, как внутри него поднимается что-то огромное, что не давало дышать, что сжимало грудь ледяными тисками, но теперь это был не холод «Слезы» — это было то, что он носил в себе все эти годы, что он прятал за решимостью, за гневом, за вечной погоней за артефактами и ответами. Он хотел закричать, хотел спросить, как она могла оставить

его, хотел сказать, что он не прощает, что он уже давно перестал ждать, но вместо этого он просто молчал, чувствуя, как слёзы — нет, не слёзы, а что-то другое, что-то, что не имело названия, — подступает к горлу, застревает там, не находя выхода.

— Почему ты не сказала мне? — наконец выдохнул он, и голос его звучал глухо, будто он говорил из глубокой ямы. — Почему ты не оставила мне записку, не объяснила, не попрощалась?

Она опустила глаза, и в этом жесте было столько вины, столько сожаления, что Ворон почувствовал, как его гнев тает, уступая место чему-то другому — не прощению, но пониманию, которое приходит только после долгих лет, проведённых в Зоне, где каждое слово имеет вес, а каждое молчание — значение.

— Потому что если бы я сказала тебе, ты бы пошёл за мной, — тихо ответила она. — И тогда ты бы потерял всё. А я не могла допустить, чтобы ты потерял себя из-за меня. Я думала, что если уйду

тихо, ты сможешь жить дальше. Я не знала, что Зона будет звать тебя так же сильно, как звала меня.

Она подняла голову, и в её глазах блеснул тот же свет, что и у мальчика в серой комнате, — свет, который

не гаснет, даже когда всё вокруг рушится.

— Но теперь ты здесь, — сказала она. — И я могу сказать тебе то, что должна была сказать давно.

«Слеза» не вернёт прошлое. Она не исцелит раны.

Но она может показать тебе, как жить с ними. И это единственное чудо, которое существует в Зоне.

Ворон молчал, чувствуя, как слова матери оседают в его душе, как они заполняют ту пустоту, которую он носил в себе все эти годы, как они делают её меньше, слабее, почти неощутимой. Он смотрел на неё, на её руки, на её глаза, на то, как она сидит на краю дивана, и понимал, что это прощание — не окончательное, не навсегда, а такое, которое даёт ему силу идти дальше, зная, что она здесь, что она ждала его, что она всё ещё существует, даже если они не смогут быть вместе, как раньше.

— Я не могу остаться, — произнёс он, и слова эти дались ему тяжело, но он знал, что должен их сказать, потому что в этом и был смысл его пути — не остановиться, не сдаться, а идти, даже когда сердце разрывается от боли. — Я должен идти дальше. Я должен найти то, ради чего пришёл. И, может быть, когда я найду это, я смогу вернуться.

Сюда. К тебе.

Она кивнула, и в этом кивке не было ни боли, ни сожаления — только принятие, которое приходит

после того, как ты перестаёшь бороться с неизбежным.

— Я буду ждать, — сказала она, и в её голосе слышалась та же тёплая, материнская нотка, которая была в её голосе, когда он был маленьким и она читала ему сказки на ночь. — Я всегда буду ждать. Потому что ты мой сын. И Зона не может забрать у меня это. Даже если она заберёт всё остальное.

Она поднялась, подошла к нему, и её рука мягко коснулась его плеча, и в этом прикосновении было столько тепла, столько силы, что Ворон почувствовал, как его плечи расправляются, как тяжесть, которая давила на них все эти дни, начинает уходить, уступая место чему-то новому — не лёгкости, но той спокойной уверенности, которая приходит, когда ты знаешь, что не один.

— Иди, — сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым, как сталь. — Иди и найди то, что ты ищешь. А когда закончишь, возвращайся. Я покажу тебе сад, который я вырастила здесь, в этой части Зоны. Он не такой, как снаружи. Но он настоящий. Так же, как и я.

Ворон поднялся, чувствуя, как ноги его слушаются, как тело наливается силой, которой не было раньше.

Он посмотрел на неё в последний раз, вглядываясь в её лицо, запоминая каждую морщинку, каждый взгляд, каждое движение, и в этом взгляде не было ни страха, ни боли — только решимость, которая рождается из любви, которая сильнее любой Зоны, сильнее любого артефакта, сильнее самой смерти.

— Я вернусь, — пообещал он, и слова эти прозвучали не как пустой звук, а как клятва, которую он дал себе, ей и тому маленькому мальчику, который всё ещё ждал его в серой комнате. — Я обязательно вернусь.

Он повернулся к двери и шагнул через порог, чувствуя, как тёплый воздух дома сменяется

прохладой леса, как запах старого дерева и чая уступает место запаху мокрой земли и листьев. Он не оглядывался, потому что знал: она всё ещё стоит там, на пороге, и смотрит ему вслед, и её улыбка горит в темноте, как маяк, который никогда не гаснет. Он шёл по лесу, и деревья расступались перед ним, открывая новые тропы, новые горизонты, и в этом движении не было ни усталости, ни сомнения — только вера в то, что каждый шаг приближает его к чему-то важному, что «Слеза» внутри него теперь не холод, а тепло, которое напоминает о том, что он не один, что у него есть цель, что он может идти до

конца, даже если этот конец ещё не виден. Свет пробивался сквозь кроны, падая на землю золотыми пятнами, и в этих пятнах он видел отражения своего прошлого, своего настоящего и своего будущего, сплетённых в один узел, который он должен был развязать, чтобы двигаться дальше.

И когда он вышел на край леса, перед ним снова расстилалась пустошь, но теперь она была не серой и безжизненной — она была тёплой, золотистой, освещённой лучами заходящего солнца, которые пробивались сквозь туман, делая его почти прозрачным, почти невесомым. Ворон остановился,

вглядываясь вдаль, и там, на горизонте, он увидел нечто, что заставило его сердце биться быстрее: не руины, не вышки, не депо, а очертания города — настоящего города, с высокими зданиями, которые, казалось, были целыми, нетронутыми временем, такими же, как те, что он видел в своих детских

воспоминаниях, когда Зона была ещё только слухом, когда мир был целым и не разделённым на «до» и «после».

Он сделал шаг вперёд, чувствуя, как «Слеза» внутри него снова начинает пульсировать, но теперь это был не холод и не боль — это был ритм, который совпадал с его дыханием, который говорил ему, что

он на правильном пути. Позади него остался лес, дом, мать, Шрам, мальчик в серой комнате — все те, кто помогал ему идти, все те, кто ждал его

возвращения. А впереди был город, который мог быть либо спасением, либо окончательной гибелью, но Ворон знал, что не может остановиться, потому что остановка означала бы, что всё это было зря, что все те, кто шёл с ним, пожертвовали собой напрасно.

Он не обернулся. Он смотрел только вперёд, туда, где золотой свет смешивался с серым туманом, создавая странные, красивые узоры, похожие на

закат, который никогда не заканчивается. И в этом взгляде не было ни страха, ни сомнения — только тихая уверенность, что он сможет пройти этот путь, что он сможет найти ответы, которые искал, что он сможет вернуться к тем, кто ждал его, и сказать им, что всё закончилось, что охота наконец завершена.

Но он знал, что охота никогда не заканчивается.

Она просто становится другой. И каждый шаг, который он делал, приближал его к тому моменту, когда он сможет посмотреть Зоне в глаза и сказать:

«Я выжил. Я прошёл. Я стал сильнее, чем ты». И Зона отступит, потому что она не может победить того, кто больше не боится её, кто принял её как часть себя, кто научился жить с её холодом в груди и

всё равно идти вперёд, не оглядываясь назад. Ворон шёл к городу, и ветер, пронизывающий пустошь, касался его лица, как чьи-то невидимые руки, как шёпот, который он слышал с самого начала, только теперь этот шёпот был не угрозой, а обещанием. И где-то в далёком тумане, в том месте, где Шрам растворился, оставив после себя только лёгкое дуновение, зажглась новая точка света — маленькая, тусклая, но живая, которая мерцала в такт его сердцу, напоминая, что он не один, что всегда найдётся кто-то, кто будет ждать его возвращения.

А впереди, за золотым туманом, город ждал его, и его тени танцевали в свете заходящего солнца, как призраки того мира, который когда-то был потерян, но который, возможно, ещё можно было найти, если перестать бояться и просто идти, шаг за шагом, с холодом «Слезы» в груди и теплом воспоминаний в душе, которые делали его сильнее, чем любая Зона, чем любой артефакт, чем любой страх.

И Ворон шёл, потому что это было всё, что он мог сделать. И этого было достаточно.

Глава 4

Город, который открылся перед Вороном, когда он

ступил с пустоши на потрескавшийся асфальт старой трассы, не был похож ни на одно место, которое он видел в Зоне. Он был огромным, молчаливым, покрытым слоем времени, которое

здесь текло иначе, оседая на фасадах зданий, на вывесках магазинов, на пустых глазницах окон, как тонкая, серая пыль, сквозь которую всё равно пробивался свет — не холодный, не мерцающий, а ровный, золотистый, будто солнце здесь никогда не заходило полностью, оставляя после себя долгие, тягучие сумерки, которые не были ни днём, ни

ночью. Ворон остановился на краю дороги, чувствуя, как подошвы его ботинок касаются асфальта, покрытого трещинами, из которых пробивалась

травка, жёсткая и серая, похожая на ту, что росла у заброшенной автобусной остановки, но здесь она была мягче, словно время смягчило её, сделало частью этого места, а не чуждым элементом, который Зона вбросила в мир, чтобы напомнить о своей власти.

Воздух здесь был иным. Он не давил на плечи, не оседал в горле колючей пылью, не пах гарью и озоном — вместо этого он был прохладным, почти свежим, с примесью старого бетона и сухой листвы, и в нём чувствовалось что-то ещё, неуловимое, что заставляло Ворона прислушиваться к себе, к тому,

как «Слеза» внутри него пульсирует теперь не холодом, а спокойным, ровным теплом, будто артефакт находился здесь в своей стихии, будто этот город был его домом, его убежищем, его истинной целью. Ворон двинулся вперёд, вдоль трассы, которая велла к центральным улицам, и с каждым шагом он всё отчётливее понимал, что этот город не был просто ещё одной ловушкой Зоны, ещё одним испытанием, которое она подкидывала ему, чтобы проверить его силы. Это было что-то другое — воспоминание, застывшее в камне и бетоне, кусок прошлого, который Зона сохранила, как музейный экспонат, чтобы показать тем, кто сможет дойти до него.

Он миновал первый квартал, где дома стояли близко друг к другу, будто прижимались плечами в поисках утешения, и на их стенах ещё можно было разглядеть облупившуюся краску, остатки вывесок, когда-то ярких и кричащих, а теперь выцветших до бледно-серого цвета. На одном из домов, на втором этаже, висела бельёвая верёвка, на которой ещё сохранились прищепки, но бельё давно сгнило и превратилось в лохмотья, которые колыхались на ветру, как призраки тех, кто когда-то жил здесь, кто выходил на балкон по утрам с чашкой кофе, кто

смотрел на этот же самый свет и не знал, что Зона придёт и заберёт всё. Ворон остановился на мгновение, глядя на эти лохмотья, и вдруг перед его глазами вспыхнуло видение — не чужое, не то, что Зона подкидывала ему, а своё, давно забытое, почти стёртое временем.

Он стоял на балконе, маленький, с игрушечным роботом в руках, и смотрел вниз, на улицу, где мама разговаривала с соседкой, и обе смеялись, запрокинув головы, и солнечный свет падал на их

лица, делая их молодыми и счастливыми. Он помнил, как ветер касался его щёк, как пахло откуда-то из соседнего двора жареным луком и хлебом, как где-то вдалеке гудела машина, но этот гул был далёким, неважным, потому что весь мир тогда помещался в этом балконе, в этом роботе, в этой улыбке, которая смотрела на него снизу и обещала, что всё будет хорошо. Видение исчезло так же внезапно, как и появилось, оставив после себя только лёгкую, почти невесомую грусть, которая не давила, а скорее напоминала о том, что он всё ещё помнит, что прошлое не ушло навсегда, что оно ждёт его здесь, в этих стенах, в этом воздухе, в этом городе, где время остановилось.

Ворон пошёл дальше, и улицы становились шире, здания

— выше, и в их окнах он видел не просто пустоту, а отражения — не свои, а те, что принадлежали этому городу, его памяти, его душе.

На перекрёстке он заметил старую машину, ржавую, с выбитыми стёклами, в которой на заднем сиденье лежала детская кукла, выцветшая, с оторванной рукой, но с всё ещё видимой улыбкой на лице, будто даже в этом месте, даже после всех лет, она продолжала верить, что её кто-то найдёт. Ворон наклонился, заглянул внутрь, и в этот момент «Слеза» под его рёбрами слабо дрогнула, но не холодом, а теплом, которое разлилось по груди, как будто артефакт хотел сказать ему: «Это не просто город. Это твой город. Тот, который ты потерял, когда переступил Периметр».

Он выпрямился и пошёл дальше, чувствуя, как каждый шаг приближает его к чему-то важному, что он искал всю свою жизнь, даже не зная об этом.

Город жил своей жизнью — не шумной, не активной, а тихой, почти медитативной, как старик, который сидит на крыльце и смотрит на закат, зная, что ему уже некуда спешить, что всё, что должно было случиться, уже случилось, и теперь осталось только наблюдать и ждать. Ворон сворачивал с одной улицы на другую, и каждый поворот приносил новые

детали, новые кусочки пазла, который складывался в его голове, создавая картину, которую он никогда не видел целиком, но чувствовал каждой клеткой своего тела.

Он вышел на центральную площадь, где стоял старый фонтан, давно пересохший, с чашей, покрытой мхом и лишайником, и в центре фонтана возвышалась скульптура — девочка с голубем на вытянутой руке, и голубь, казалось, готов был взлететь в любой момент, но застыл в этом вечном движении, как символ надежды, которая не умирает, даже когда всё вокруг рушится. Ворон остановился у фонтана, провёл рукой по шершавому камню, чувствуя под пальцами холод и влагу, и в этот момент перед ним снова вспыхнуло видение, но теперь это было не его собственное воспоминание, а то, что Зона показала ему, чтобы он понял: этот

город связан не только с его прошлым, но и с прошлым всех, кто когда-либо искал «Слезу».

Он увидел женщину, которая стояла на этом же месте, у этого же фонтана, только тогда вода ещё текла, и солнце светило ярко, и женщина держала в руках что-то, похожее на карту, и смотрела на неё с такой же решимостью, с какой он сам смотрел на свою фотографию перед каждым выходом. Это была

не его мать, не знакомая ему женщина, но в её глазах он увидел ту же боль, ту же надежду, ту же готовность заплатить любую цену за то, что она искала. Она повернулась, и на мгновение их взгляды встретились, но она не видела его — она видела только свой путь, только свою цель, только ту пропасть, в которую она должна была шагнуть.

Видение исчезло, и Ворон остался стоять у фонтана, чувствуя, как «Слеза» пульсирует в груди, как она становится то холоднее, то теплее, как будто артефакт реагировал на эти воспоминания, на эту боль, на эту решимость, которая была в глазах каждой женщины, каждого мужчины, каждого ребёнка, когда-либо ступавшего в Зону.

Он обошёл фонтан и увидел на другой стороне площади здание, которое отличалось от всех остальных — оно было выше, массивнее, с колоннами у входа, и на его фасаде висела табличка, на которой едва можно было разобрать буквы: «Библиотека». Ворон замер, чувствуя, как его сердце начинает биться чаще, как «Слеза» внутри него становится почти горячей, будто она узнала это место, будто она ждала, когда он придёт сюда. Он

подошёл к ступеням, которые вели к массивной двери, и каждая ступенька была покрыта

трещинами, как морщины на лице старого человека, и на одной из них он заметил надпись, выцарапанную ножом или чем-то острым: «Я

вернусь за тобой». Буквы были неровными, будто их писали в спешке, в отчаянии, и Ворон провёл пальцем по этим буквам, чувствуя, как они впиваются в кожу, как они оставляют после себя невидимый след, который нельзя стереть.

Он вошёл внутрь, и дверь за ним закрылась с тихим, протяжным скрипом, отрезая его от света снаружи, но внутри было не темно — внутри горели лампы, старые, керосиновые, которые создавали мягкий, тёплый свет, падающий на бесконечные ряды книжных стеллажей, уходящих ввысь, под самый потолок, где в полумраке терялись верхние полки, будто уходили в другое измерение. Ворон стоял в центре зала, чувствуя, как запах старой бумаги и пыли заполняет его лёгкие, как этот запах смешивается с запахом воска и дерева, создавая атмосферу, которая была одновременно уютной и тревожной, как комната, где ты вырос, но которая теперь кажется чужой, потому что ты слишком долго отсутствовал.

Он двинулся между стеллажами, и его пальцы скользили по корешкам книг, и каждый корешок был подписан незнакомым языком, или, может быть, знако-

мым, но забытым, стёртым временем, как стираются лица людей, которых ты любил, но которых давно не видел. На одной из полок, на

уровне его глаз, лежала раскрытая книга, и на её странице была нарисована карта — не Зоны, не Периметра, а этого города, с его улицами, площадями, зданиями, и на карте было отмечено

место, которое он только что покинул, — библиотека, помеченная красным крестом, будто она была центром чего-то важного, чего-то, что должно было изменить всё. Ворон взял книгу в руки, и когда его пальцы коснулись страницы, перед ним снова вспыхнуло видение, на этот раз более длинное, более чёткое, как киноплёнка, которую прокручивали в его голове.

Он видел себя, но не таким, каким был сейчас, — старше, с сединой в волосах, с теми же шрамами на лице, которые он видел у своего двойника в здании, только в его глазах не было пустоты, а была та же решимость, что и у женщины у фонтана. Он сидел за столом в этой самой библиотеке, и перед ним лежали десятки книг, раскрытых на разных страницах, и он что-то писал в тетради, быстро, почти лихорадочно, будто боялся, что не успеет закончить. Рядом с ним стояла кружка с остывшим

чаем, и на подоконнике сидел тот самый мальчик с игрушечным роботом, только теперь робот был сломан, с оторванной рукой, как кукла в машине, но мальчик всё равно прижимал его к груди и смотрел на старшего Ворона с такой верой, с такой любовью, что у Ворона сжалось сердце. Он слышал, как

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.